

3
1963

ИскаТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Ю. ПОПКОВ, В. СМИРНОВ. Верь маякам!	2
ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА. Летящие по вселенной	55
СЕРГЕЙ ЛЬВОВ. Седьмой ход	60
А. ТОМСОН. Десмонд Твердолобый	101
Н. ТОМАН. В созвездии Трапеции	104
УИЛЬЯМ АЙРИШ. Срок истекает на рассвете	112
Из блокнота «Искателя»	133
ЕВГЕНИЙ СИМОНОВ. Шесть расстрелянных облаков	139
Фантастика, приключения	159

№ **3** (15)

1963
ТРЕТИЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

СЕДЬМОЙ ХОД

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Письмо, которое сопровождало эту рукопись

Уважаемый издатель! Надеюсь, вы поймете, почему я не назвал страну, в которой несколько лет назад произошла эта история, когда господы Дрилленхенгст и Штильгештанден только еще выходили из той тени, в которой они пребывали некоторое время после войны. Я изменил имена ее участников и названия городов.

Предоставляю в ваше распоряжение рукопись, к которой вы проявили благосклонный и, скажу даже, для меня неожиданный интерес, ибо ранее я не только считал себя совершенно неспособным к сочинению книг, но и имел печальные возможности убедиться в этом.

Впрочем, зачем я говорю о сочинении? То, что вы прочитаете дальше, не придумано, а случилось со мной. Надеюсь, что и вы и читатели без труда догадаетесь, кто именно из действующих лиц повторяет мою судьбу, до недавнего времени весьма печальную.

Уважающий вас А.

ГЛАВА I,

в которой читатели знакомятся с издательством «Цербер» и с тем, как доктора наук Абердоха всячески унижают

В одном из самых больших зданий Бирштадта в огромном кабинете за огромным письменным столом сидел г-н Дорн, директор издательства «Цербер». Перед огромным столом стоял доктор наук Абердох. Человек не слишком высокого роста, в этом кабинете и перед этим столом Абердох выглядел еще меньше. Впрочем, как еще может выглядеть человек, вынужден-

ный безропотно принимать гнев начальника и выслушивать упрёки, на которые не смеет возразить?

Из речи патрона явствовало, что доктор Абердох — самый бездарный из многочисленных бездарностей, которые со дня основания «Цербера» осмеливались претендовать на получение гонорара в кассе этого издательства. Г-н Дорн особенно попрекал доктора Абердوخа ученым титулом.

— Стоило ради этого кончать университет, стоило защищать диссертацию! — говорил он. — О чем хоть была ваша диссертация?

— О-о-особенности сюжето-строения в авантюрном романе александрийских прозаиков, — ответил доктор наук, слегка заикаясь.

— И вы ее написали сами?

— Но, господин директор, я прошу вас... — впервые осмелился Абердох перебить Дорна.

— Только без благородного негодования! Негодовать буду я. Вы будете слушать... Я виноват сам. Нельзя путать дела с благотворительностью. Мне уши прожужжали о вас. Молодой человек — то, молодой человек — сё... Он — это такая редкость в наше время — знает санскрит. Он читает по-древнегречески... У него потрясающая память! Словом, безработный гений и согласен на самые скромные условия. Я беру вас на работу в издательство. В таком большом деле может пригодиться и гений.

Мне не нужна ваша ученость. Мне не нужна ваша потрясающая память. Мне нужно одно: чтобы на переплете стояло: «Доктор наук Абердох». Это звучит. Но нам надо, чтобы под переплетом был не научный трактат, а что? Что издает наше издательство? Де-те-ктив! И не какой-нибудь, как у господ конкурентов, который любая горничная может разгадать после первой главы. А какой? Как говорится в наших проспектах? Если вы забыли, — сказал он, — я охотно напомню вам.

Дорн указал на огромный плакат на стене.

«Издательство «Цербер» выпускает детективы, которые не поддаются разгадке. Издательство «Цербер» — единственное в мире — платит премию читателю, предсказавшему разгадку тайны. Посылайте после каждого выпуска свои отгадки. Покупайте каждый следующий выпуск, чтобы убедиться, как жестоко вы ошиблись. Но если вам случится угадать, вы получите премию».

— А что получается? Я принимаю вас на работу, я выплачиваю вам аванс, я сажаю вас в мозговой центр издательства — в отдел сюжетов. Вы высуживаете свою рукопись, как Флобер, — месяц! Приносите, наконец, свое сочинение, и первый же разгадчик из отдела контроля, прочитав три страницы вашей писанины, предсказывает все развитие сюжета! Мы бросаем эту мазню в корзину, мы даем вам еще две недели для новой попытки. И что же? Отдел контроля докладывает: ученый муж пересказал своими словами «Собаку Баскервилей», только действие из Англии перенес во Францию, а собаку заменил кошкой. Вы полагаете, что читатели идиоты? Они этого не заметят?

— Ме-меня подвела память. Мне казалось, что я придумал. О-оказывается, я вспомнил. В психологии это печальное явление называется...

— Если вы такой знаток психологии, почему же вы провалились, когда я из жалости перевел вас в отдел переписки с читателями? Что говорится в нашей инструкции об этом отделе? Этого вы тоже не знаете?

— Знаю, — проговорил Абердох, заикаясь чуть больше. — Параграф шестой, секретный: «Отдел переписки с читателями должен использовать каждый ответ для пропаганды продукции издательства «Цербер». Давать советы читателям, присылающим рукописи, а также изыскивать гениев-самородков запрещается под страхом увольнения».

— Почему же, если вы знаете правила, вы нарушаете их? Ваши ответы — целые фолианты. Последний ответ — три страницы! Чего ради вы вступили с читателем в переписку о различии между детективной манерой Честертона и Коллинза? Вы полагаете, что у нас курсы самообразования для читателей? Или что мы собираемся рекламировать — как вы их назвали в своем письме — «классиков жанра»? Если читатели будут читать классиков, кто будет читать наши детективы?

— Но, господин Дорн, позвольте...

— Нет, уж позвольте больше ничего вам не позволить. Даю вам последнюю возможность доказать, что вы на что-нибудь пригодны. Корректором будете работать, корректором! Не нравится — на все четыре стороны! Будете пропускать опечатки — то же самое. Все! До свидания, господин корректор.

ГЛАВА II,

в которой читатель узнает о структуре издательства «Цербер»

Когда доктор наук Абердох вышел из кабинета Дорна, ему пришло в голову все, что следовало бы сказать директору. Абердох тут же вспомнил, что французы называют убийственные аргументы, которые приходят с запозданием, «остроумием на лестнице». Он вздохнул: проклятая память, он знал столько бесполезных вещей! Абердох еще раз вздохнул и пошел по длинному коридору издательства мимо бесконечных одинаковых дверей.

Вот дверь с надписью «Сюжеты. Посторонним не входить». За этой дверью он просидел несколько месяцев и именно здесь он доказал свою полную непригодность к делу. Сотрудники этого отдела отстукивали на бесшумных машинках сюжеты будущих детективных романов. От них не требовалось описаний внешности героя, если его портрет не играет роли в сюжете. Но если по ходу действия шрам на щеке героя явится решающей уликой, этот шрам и был единственной внешней приметой, которую давали герою в отделе сюжетов. Равным образом никто не ждал от работников этого отдела описаний природы. Но если для хода событий было важно, что тот или иной факт произошел на рассвете или зимним вечером, в отделе сюжетов не забывали об этом. Их заготовки больше всего походили на формулировку задачи из учебника алгебры: «Сюжет № 154. Название — «Стены за стенами». «Господин А., приехав в город Н., обнаруживает, что его брат С. исчез...» Разработанный таким образом сюжет поступал в следующую комнату, на дверях которой висела табличка «Контроль». Вход строгойше запрещен». Мимо этой двери Абердох шел, опустив голову. Ведь именно отсюда исходило окончательное доказательство полнейшей несостоятельности Абердоха.

Здесь сидели люди, прочитавшие чуть ли не все детективные романы в мире. Сотрудник отдела контроля, именовавшийся разгадчиком, читал краткое изложение сюжета и, руководствуясь памятью, а также справками картотеки, старался установить, существует ли этот сюжет в ранее напечатанных детективных романах. Если сюжет совпадал полностью — что случилось, например, с доктором Абердохом, когда он нечаянно пересказал «Собаку Баскервилей», — рукопись бросали в корзину. Если сюжет совпадал отчасти, его возвращали на доработку. Если сюжет совпадал в одном или двух пунктах, его пропускали дальше, ибо на свете, как говорил Дорн, не может быть ничего совершенного. В этой комнате звучали такие реплики:

— Сюжет номер 246. «Ее кольцо». Кинозвезда... Пропажа кольца... Следователь подозревает партнера... Так-так-так. На доработку! Совпадает в пяти пунктах с сюжетом «Нейлоновая петля».

Разгадчики, зная себе цену, держались надменно. Впрочем, в последнее время они впадали порой в мрачную меланхолию. Приступы меланхолии вызвал слух, что дирекция намеревается заказать электронную машину, которая будет молниеносно

производить контрольные разгадки сюжета. Вкладываешь сюжет, нажимаешь кнопку, машина отвечает:

— Данная ситуация однажды использована Агатой Кристи, дважды Уоллесом, однажды Сименоном.

Вдоль стен следующей комнаты, на дверях которой висела табличка «Колорит и бытовые подробности», стояли справочники, путеводители, словари поговорок. В этой комнате голый сюжет обрастал художественными деталями. Если в заявке говорилось: «Мистер Дженнингс назначил встречу Тому о'Рейли в фешенебельном лондонском клубе», сотрудник отдела «Колорит» находил в картотеке карточку: «Клуб лондонский» — см. Голсуорси, «Сага о Форсайтах», том такой-то, глава такая-то», — разыскивал соответствующее описание, вычеркивал из него лишние подробности, а то, что оставалось, вставлял в будущий роман.

Издательство «Цербер» балансировало на неуловимой грани, где уже заканчивается компиляция, но еще не начинается плагиат. Оно могло не бояться недоразумений: тот, кто читал книги с маркой «Цербер», никогда не заглядывал в те серьезные романы, которые потихоньку пощипывали в отделе «Колорит».

В отделе «Пейзаж и портрет» вставлялись описания природы: без претензий — при пометке «Пейзаж простой»; более сложные, призванные подчеркнуть горестные терзания в душе преступника или весеннее ликование в душе пойманного его детектива, — при пометке «Пейзаж психологический».

Если в этот отдел поступала рукопись с пометкой: «Сюжет 359 — «Нейлоновая петля», вставить пейзаж психологический», — сотрудник, быстро пробежав текст, вписывал:

«Зловещая туча заволокла небо. Хлестал ледяной дождь. Жалобно свистел пронзительный осенний ветер».

Портрет делился на две основные разновидности: «портрет, наводящий на подозрения» и «портрет, уводящий от подозрений». «Наводящий» должен был своими отгалкивающими чертами возбудить в читателе недоверие к персонажу, а «уводящий» — вызвать симпатию. При необходимости осложнения сюжета преступник снабжался открытым мужественным лицом и ясными глазами. Для читателей более искушенных все делалось наоборот.

«Смехотека» обеспечивала книги «Цербера» известным количеством юмора. В картотеке этого отдела были собраны шутки, выписанные из всевозможных юмористических изданий, а также скупленные по дешевке у безработных юмористов. Картотека имела рубрики: анекдоты о пьяных, о профессорах, о рассеянных, о заиках, о сумасшедших, о скупых, о попугаях и так далее.

В отделе, названном «Мораль», снова прочитывали обросший деталями, снабженный портретами и пейзажами детектив и вписывали в него несколько фраз, славящих добродетель и осуждающих пороки, одну-две обязательные фразы о гуманизме, побольше о великих традициях Запада и непременно об «экономическом чуде».

Мы не упомянули об отделе, который носил сокращенное название «ЯОТ». Оно расшифровывалось так: «Яды. Оружие. Техника». Специалисты, работавшие здесь, отвечали за то, чтобы

в детективе не было технических нелепостей. Если они читали в рукописи: «Он выстрелил в него из 17-зарядного кольта», они вычеркивали эту фразу, потому что фирма «Кольт» никогда не выпускала 17-зарядных револьверов. Специалист по вооружению вписывал на это место 9-зарядный парабеллум и снабжал соответствующую поправку сноской: «Превосходное и традиционное оружие знаменитой фирмы». Был и подотдел «Технология ужасов»; его сотрудники следили за тем, чтобы способы убийств достаточно потрясали нервы читателей.

Специалисты отдела «ЯОТ» отличались от прочих сотрудников издательства, которых они пренебрежительно называли «штатской публикой», молодцеватой выправкой. Они громко щелкали каблуками, обращались друг к другу по воинским титулам прошлых лет и дружно вставали, когда в отдел входил его заведующий — полковник в отставке Дрилленхенгст или его заместитель, отставной майор Штильгештанден. Они не пропускали случая поизмываться над неудачливым ученым Абердохом или над стариком фармакологом, который занимал устрашающий пост референта по ядам. Чтобы избежать осложнений, буде кто-нибудь из читателей пожелает отравиться или отравить, воспользовавшись указаниями, полученными в книге фирмы «Цербер», референт по ядам заменял названия доступных ядов более экзотическими, вроде «кураре», «эликсира Борджиа» и тому подобных, которые и звучат достаточно устрашающе и не могут быть куплены на углу в аптеке...

ГЛАВА III,

в которой доктор Абердох обращается за советом и получает обещание

— Значит, о свадьбе думать не приходится, господин академик! — сказал отставной почтмейстер Аугенвайс доктору Абердоху — своему убитому горем племяннику. Абердох посетил своего дядюшку, проживавшего в городке неподалеку от Бирштадта, в надежде получить совет: среди родных и знакомых Аугенвайс слыл мудрецом. Особенно в вопросах практической жизни.

Они сидели в садике Аугенвайса. Садик был крошечным, как носовой платок, и потому затейливая клумба в углу выглядела как вышитая монограмма. Дядя и племянник ждали, пока закипит кофе. Кофе должен был кипеть в оригинальном кофейнике собственной конструкции отставного почтмейстера. С детства Аугенвайс подавлял в себе страсть к изобретательству и начал наверстывать упущенное, лишь уйдя в отставку. Его сад теперь поливался из поливального устройства конструкции Аугенвайса. Устройство не отличало людей от растений и поливало и тех и других с одинаковым усердием. По газонам сада, которые, впрочем, вполне можно было бы скосить обычной электрической бритвой, сновала косилка конструкции Аугенвайса, которой тоже не следовало попадаться на пути!

Кофейник Аугенвайса должен был произвести революцию, ибо был единственным среди сосудов этого рода, обладающим спо-

способностью самостоятельно освобождаться от гущи. Но эта благоприобретенная способность лишила его более примитивных качеств: кофе закипал в нем чертовски медленно. Он не закипал так долго, что Аугенвайс, желая отвлечь внимание своего высокообразованного, но незадачливого племянника, успел подробно обрисовать ему всю мрачность жизненных перспектив доктора наук, перемещенного в корректуру.

— Чему тебя только учили в университете, если ты, Отто, не можешь написать даже паршивого детектива?

— Видите ли, дядя, — сказал Абердох, который в этом доме почти не заикался, — в давние времена сочинение детективных, или, как их называли некогда, авантюрных, романов было искусством. Вероятно, и я, как человек, не лишенный литературного дара, мог бы сочинить что-нибудь в этом роде. Но в наши времена издание детективов стало почти промышленным производством. В нем есть конкуренция, есть разделение труда. Фирма «Цербер» специализировалась на выпуске детективных серий с продолжением.

— Не понимаю, — сказал дядя, ловко выключив кофейник, который, едва вскипев, уже угрожал взрывом, — какая разница — сочинять чепуху с продолжением или без продолжения?

— Огромная! Роман разбирают на десять выпусков. Тот, кто задумается, заплатит ли пять марок за книгу, легко заплатит пятьдесят пфеннигов за одну тетрадь. А тот, кто купил одну, захочет купить вторую. Мы удерживаем читателя, как вы думаете, чем?

— Не знаю, — сказал дядя.

— Я тоже не знал. Мне объяснили. Мы удерживаем читателя ложными ходами. В каждый детектив, выпускаемый фирмой «Цербер», закладывается несколько ложных сюжетных ходов. Читателю кажется, что он напал на след преступника. Читатель шлет нам разгадку и попадает впросак: он пошел по ложному ходу. И сразу убиты два зайца. Мы отвечаем коротко: «Вы не угадали. Чтобы убедиться в ошибке, покупайте продолжение». Он покупает продолжение, выпуск за выпуском.

— Это первый заяц, — заметил Аугенвайс, разливая кофе.

— Второй заяц, — сказал Абердох, и отхлебнул кофе, и, поскольку он ждал совета от дядюшки, сделал вид, что не заметил привкуса жженой пробки, появившегося вследствие каких-то конструктивных просчетов, и продолжал: — Читатели шлют нам письма с разгадками. Из десяти писем по крайней мере одно содержит неожиданный сюжетный ход для какой-нибудь другой серии. Читатели, сами того не ведая, поставляют нам сырье. Мы его обрабатываем и печатаем, а читатели бьются и отгадывают, но всегда попадают впросак.

— Значит, вы просто жулики и меняете ход повествования от выпуска к выпуску? — догадался дядя.

— Зачем? Мы не жулики, мы математики, так говорит наш шеф. Представьте себе, дядя, что за столом сидит десять действующих лиц, десять персонажей романа. Их можно разместить за столом во всевозможных сочетаниях. Сколько может быть вариантов?

— Сейчас сосчитаю, — сказал дядя. Он начал считать в уме, потом потянулся к бумаге...

— Не трудитесь, дядюшка. Сосчитаете, только не сейчас. Любой учебник алгебры подтвердит вам, что десять человек за столом можно рассадить 3 628 800 способами. Так и с вариантами сюжета. Достаточно ввести в роман пять-шесть действующих лиц и как следует перепутать их отношения, чтобы сюжетных вариантов были тысячи. От выпуска до выпуска проходит неделя. Пойди перепробуй все возможное!

— Ну и что же, никто не угадывает?

— Если бы никто никогда не угадывал, наши романы не покупали бы так, как их покупают. Иногда угадывают, как иногда выигрывают в рулетку. Мы охотно выплачиваем премию и кричим об этом на весь мир. Реклама!

— Понимаю... — сказал Аугенвайс. — Точнее, ничего не понимаю. Я человек практический. Объясни мне это наглядно, как я объяснял тебе принцип действия моего кофейника.

— Вот этого кофейника? — кротко спросил Абердох. Он не стал указывать на кофейные пятна, которыми был залит стол. Он промолчал и о вкусе кофе. Он даже не улыбнулся. Ему просто необходим был дядин совет. — Постараюсь объяснить на примере.

Представьте себе, дядя, что в доме живет семья. Папа — господин Шульце, мама — госпожа Шульце, сын Шульце и дочка Шульце. Этажом ниже живет Майер. Это загадочная личность. Загадочная личность Майер приходит домой поздно вечером, когда его уже не видят, и уходит рано утром, когда его еще никто не видит. Лишь однажды загадочный Майер неожиданно появился в квартире Шульце. Детей не было дома. Госпожа Шульце ввела посетителя к мужу и ушла. Через некоторое время она услышала громкие голоса. Прислушалась. Это ссорились ее муж и господин Майер. Господин Майер выбежал со словами: «Вы пожалеете об этом!» И что же? Через три дня господина Шульце нашли мертвым, а господин Майер в тот же день исчез. Появляется детектив, которому нужно найти убийцу. На этом кончается первый выпуск. Стройте ваши предположения. Кто убил господина Шульце?

— Очевидно, Майер, — сказал дядя, — таинственная личность. Тем более ссора... исчезновение...

— Извините, дядя. Это сработал ход для дураков. Он так и называется на профессиональном языке: «ЛБ» — ловушка для болванов. Наш детектив всегда бывает обставлен примитивными уликами, чтобы глупый читатель тут же клюнул на них, а тот, кто поумнее, с торжеством сказал бы себе: «Нет, я таким путем не пойду», — и пошел по другому следу. Нет, дядя, господин Майер не убивал господина Шульце. Наоборот, он появился у него дома, чтобы предупредить его о грозящей опасности. Эта опасность появилась после того, как господин Шульце застраховал свою жизнь. На чье имя? На имя жены. Так кто же убил Шульце?

— Дудки! — сказал дядя. — Ты ждешь, чтобы я сказал: Шульце прикончила жена. Этот ход, по-моему, рассчитан также не на гениев.

— Справедливо. Итак, ход второй: господина Шульце убила жена. Некоторые читатели, особенно те, кто разочарован в семейной жизни, пойдут по этому следу, но увидят, что ошиблись. Ход третий: убила не жена, а сын. Ход четвертый: убил не сын, а дочь.

— Ужас какой! — сказал отставной почтмейстер.

— Пустяки! — ответил Абердох. — Труп даже не был разрезан на части... Мы подбрасываем читателям эти четыре хода, а потом, перед самыми последними выпусками, нужно придумать по крайней мере еще три. Думайте, дядя, думайте! Вы, который изобрел этот кофейник, я уж не говорю о косилке!

— А кто еще появлялся в доме? — Аугенвайс явно заинтересовался.

— Никто больше не появлялся, — сказал Абердох.

— Из ничего ничего и не сделаешь.

— Вы ошибаетесь, дядя. Ваши рассуждения изобличают в вас грубого практика. Именно из ничего все и делается. Особенно улики в детективном романе. Я вам помогу: итак, пятый ход — господина Шульце никто не убивал!

— То есть как? — пролепетал дядя. — А из-за чего тогда весь шум?

— Неужели вы хотите, чтобы не было шума, если в квартире найден труп?

— Значит, труп найден?

— А разве я вам сказал, что он не найден?

— Но откуда же, черт возьми, взялся труп, если Шульце не убили?

— Шульце сам себя убил. Это ход пятый.

— Ловко! — сказал дядя. — Теперь я понял, как это делается. Нужно перебрать всех. Сосед не убивал, жена не убивала, дети не убивали. Значит, покойник сам себя убил.

— Но это еще не все, дядя, — сказал Абердох. — Шульце никто не убивал, и сам себя он тоже не убивал.

— Кого же убили?

— Убили Майера, таинственного соседа, поэтому он и исчез. И убил его Шульце. Он решил выдать труп Майера за свой собственный. Зачем? Чтобы зажить припеваючи на страховку, которую получит вдова. Дело в том, что уже в качестве Майера он собирается сочетаться законным браком со своей собственной женой.

— Постой, — сказал дядя. — Дай-ка я выпью кофе. У меня голова закружилась. Подумать только, какой негодяй!

— Кто негодяй?

— Этот Шульце, который убил Майера, выдал его труп за свой собственный, получил страховку и женился на своей собственной вдове, если я, конечно, правильно тебя понял. Негодяй...

— Откуда вы взяли, дядюшка, что он негодяй? Вовсе не негодяй.

— Ну, знаешь ли, — возмутился дядя, — хорошеньких взглядов ты набрался в своем издательстве! Если этот не негодяй, то кого же тогда назвать негодяем?

— Вот, дядя, вы и попались на шестой ход. Шульце не негодяй. Он гениальный сыщик.

— Кто гениальный сыщик?

— Шульце! Ему поручили разоблачить авантюру, затеянную страховой компанией, и он устроил инсценировку убийства.

— Значит, он не убивал Майера? — с облегчением спросил дядя.

— Я же говорю вам, что нет.

— А труп? — кротко осведомился почтмейстер.

— Какой труп? — удивился племянник.

— Это ты меня спрашиваешь? Ты себя спроси!

— Ах, труп... Да, конечно, труп был. Видите ли, Майер убил сам себя. Он хотел избежать разоблачения. На это есть намек в первой части романа. Мы можем как угодно запутывать читателей своими ходами, но в конце романа мы обязаны показать, что возможность такой разгадки была дана уже в самом начале, только они ее проглядели. Иначе нам разнесут издательство. Так строится роман, в который заложено семь сюжетных ходов. Седьмой содержит разгадку.

— Да, — сказал дядя. — В почтовом деле тоже бывают загадочные истории. Пришло однажды таинственное письмо: улица не указана, только город, номер дома и фамилия. В качестве адресата, помню как сейчас, был назван некий Цаунпфаль. Представь себе, я тут же вручил письмо этому Цаунпфалью.

— Каким образом?

— Не догадываешься? — с торжеством сказал дядя. — Просто в нашем городе я всех знаю по фамилии. Если бы фамилии не было, тогда и найти было бы труднее. Как в твоей истории. А ведь я был уверен, что это Майер убил. Ловко придумано! Не понимаю, почему директор тобой недоволен?

— Увы, дядюшка, придумывать я не умею. У меня никогда не сошлись бы концы с концами. Я просто пересказал вам детектив, который у нас скоро выйдет. Я читаю его корректуру, и — проклятая манера — запомнил всю эту белиберду.

— Когда мне в школе не удавались задачки, я всегда заглядывал в ответ. И ты попробуй. Прочитав с конца какой-нибудь детектив, которым твой начальник доволен, постарайся разгадать, как он построен в начале. И шпарь по этому примеру. Когда я начал заниматься изобретательством, я попробовал сам починить пишущую машинку соседа. Разобрал, почистил. А когда собрал, у меня осталось шесть лишних деталей. Я решил запатентовать усовершенствование машинки, да сосед подал на меня в суд за то, что я ее испортил. Но потом я научился изобретать. А тебя я научу писать детективы, и ты вернешься победителем в отдел, из которого тебя изгнали! Не благодарю меня. Я делаю это не ради тебя, а ради Лизьхен.

— Бедная Лизьхен, — сказал Абердох. — Она так надеялась, что мы, наконец, поженимся! — Глаза доктора наук наполнились слезами. — Значит, я могу рассчитывать на ваш совет? Вы возвращаете меня к жизни, дядя. — Он хотел бы сказать все это иначе, но не смог: стиль, которым писали романы в издательстве «Цербер», был прилипчив.

ГЛАВА IV,

в которой заведующий книжным магазином Земиколон
пишет отчет

В городке, где жил отставной почтмейстер Аугенвайс, у фирмы «Цербер» был свой магазин. Им заведовал г-н Земиколон, человек с железными нервами. Сам он говорил о себе так: «Человек, который проводит целые дни среди книг фирмы «Цербер», не может быть трусом. Иначе сойдешь с ума от одного вида обложек».

Как-то вечером г-н Земиколон отпустил продавца, запер выручку в сейф и любовно погладил рукой переплет книги «Тайна ночного крика». Этот новый боевик фирмы «Цербер» расходился особенно хорошо.

Потом он подошел к автомату — гордости и украшению магазина. С недавних пор во всех магазинах фирмы «Цербер» покупатели могли во все глаза смотреть на кровавые и таинственные обложки и сколько угодно вчитываться в зазывающие заглавия. Но перелистать книжку до того, как за нее заплачены деньги, они не могли.

— Иначе, — говорил г-н Земиколон, — мы разоримся. Мальчишки будут листать наши выпуски задаром и уходить, ничего не купив. Этого мы себе позволить не можем.

Тот, кто хотел не только поглядеть на обложку, но и узнать, что под ней скрывается, должен был подойти к автомату и опустить мелкую монетку. Тогда он получал один листок из середины детектива. Автомат делал два дела: он собирал монетки и разжигал у читателей стремление узнать, что будет дальше и что было до этого. Г-н Земиколон гордился тем, что его магазин оснащен самым сложным и современным автоматом. Этот автомат не просто выдавал листочки, но в целях рекламы произносил записанные на магнитофон отрывочные фразы: «Руки вверх! Стреляю». Кроме того, по желанию автомат исполнял рекламную песенку фирмы «Цербер», написанную безработным поэтом. Песня была прилипчива, как скороговорка или считалка, и звучала так:

Тот, кто хочет быть счастливым,
Покупает детективы.
Лучше нету развлечений,
Чем разгадка преступлений.
Детектив — вот отдых лучший
Утром, днем, на сон грядущий!

За минувший день автомат торговал неплохо, и г-н Земиколон погладил его хромированную поверхность столь же любовно, сколь и сверкающую суперобложку книги «Тайна ночного крика». Теперь можно было идти домой. Земиколон направился к выходу, и вдруг... Глаза его округлились. Он увидел конверт, подсунутый кем-то под закрытую дверь магазина. Земиколон распахнул дверь. За дверью никого не было. В распахнутых дверях чернел вечер. На полу белел конверт.

Первый раз в жизни корреспонденция поступала к нему таким

загадочным образом. Человек со стальными нервами испуганно взял конверт. Письмо без марки. Это было всего страшнее.

Вскрывать или не вскрывать? Поколебавшись, он вскрыл письмо.

Земиколон был автоматически исполнителен. Поэтому он, во-первых, подшил письмо, полученное столь странным образом, в папку и, во-вторых, зарегистрировал его в реестре с надписью «Входящая корреспонденция». Так в деловых бумагах филиала фирмы «Цербер» 24 июня появилась странная запись. В графе «От кого?» было написано: «От неизвестных, подписавшихся «Отчаянные ребята»; в графе «По какому вопросу?» — «Личные угрозы». «Что сделано по письму?» Земиколон решительно написал в этой графе: «Оставлено без внимания», — затем столь же решительно перечеркнул эти слова и сверху написал: «Должено господину директору Дорну». Теперь можно было уходить.

С улицы Земиколон еще раз окинул магазин придирчивым взглядом. Все было в порядке. Кровавые пятна обложек на витрине освещены достаточно ярко, и порочный субъект с пистолетом в руке целился с рекламного плаката прямо в глаза тому, кто останавливался у витрин, а внизу вспыхивала надпись: «Только у нас, только у нас, только у нас преступления без разгадок!»

ГЛАВА V,

в которой издательство «Цербер» живет своей обычной жизнью

Служебный день в издательстве «Цербер» шел заведенным ходом. Посыльный в форменном синем берете взял папку в отделе сюжетов и, так как посыльному было всего пятнадцать лет, по дороге в отдел «Колорит и бытовые подробности» заглянул в нее одним глазом. В папке находился сюжет будущего детектива под условным названием «Сюжет № 246 — «Ее кольцо».

«На балу кинозвезд киноактриса А. замечает, что у нее во время танца похищена драгоценность. Но в то время как ее спутники М., Н. и Л., на которых в дальнейшем будет последовательно падать подозрение, встревожены, она весело улыбается. В чем же дело? Дело в том, что М., детектив-любитель, надоел ей своими ухаживаниями. Узнав о пропаже драгоценности, М. начинает розыски. Он выяснил, что официант, подававший в гостиную напитки, исчез, не вернувшись в официантскую. Бешеная погоня за исчезнувшим официантом. Но кинозвезда продолжает смеяться. Почему?»

Направляясь на бал, она оставила свою настоящую драгоценность в сейфе, а надела фальшивую. Похищена фальшивая. Назойливый кавалер отправился в погоню за фальшивой, подлинная лежит дома. Но когда кинозвезда приезжает домой, выясняется...»

В то время как тоненькая тетрадошка с каркасом сюжета добиралась из отдела сюжетов в отдел «Колорита», в отделе писем заполняли стандартные формуляры: «Ваша разгадка сюжета «Ночного крика» неверна. Покупайте следующие выпуски и убедитесь в этом». В отделе «Яды, оружие, техника» остав-

ной капитан вставлял в рукопись, почти готовую к печати, описание бесшумного пистолета. В корректорской доктор наук Абердох вычитывал верстку очередного выпуска «Синего убийцы». Жизнь Абердоха стала ужасной. Целыми днями он сидел в корректорской. Но и вечером у него не было покоя. Дядюшка Аугенвайс пристрастился к детективам и требовал, чтобы племянник пересказывал их.

А в кабинете директора шло совещание. На это совещание были вызваны г-н Хохдрук, заведующий отделом рекламы, оправдывавший свою фамилию, которая означает «большой напор», и сравнительно новый в издательстве человек — юрисконсульт г-н Тугендбольд. Новичок докладывал о работе своего отдела и о великих трудностях, выпавших на его долю, скромно торжествуя по поводу своего такта и хитроумия.

— Когда мы узнали, — докладывал Тугендбольд, — что три газеты одновременно собираются опубликовать резолюцию «Конференции встревоженных родителей», осуждающую наши книги, руководимый мною отдел направил протест в редакции. В протесте говорилось: «Характеристика книг издательства «Цербер» как безнравственных является оскорблением в печати, то есть преступлением, предусмотренным законом. Мы предупреждаем редакцию о возможных последствиях».

— Так, — сказал директор Дорн и постучал пальцами по подлокотникам кресла. — И какой ответ вы получили?

— О, в высшей степени удовлетворительный, — заторопился Тугендбольд. — Одна газета отказалась от публикации резолюции, другая покуда молчит, а третья, хотя и напечатала резолюцию, но сразу вслед за ней дала и опровержение. Это победа!

— Огромная, — мрачно сказал Дорн. — Могу я узнать текст опровержения?

Юрисконсульт продекламировал:

— «Как сообщают из авторитетных источников, эксперты находят книги фирмы «Цербер» свободными от безнравственности. А той редакции, которая до сих пор молчит, я еще раз написал, что если они предпочитают не доводить дело до суда...

— Не доводить дело до суда? Удачная мысль. Я вижу, неделя не прошла для вас даром. Отдел рекламы поработал столь же успешно?

— Нет, — ответил Хохдрук. — Моего уважаемого коллегу, — он поклонился в сторону Тугендбольда, — беспокоит репутация фирмы. Меня же беспокоят ее доходы. Но мой уважаемый коллега, — Хохдрук снова поклонился в сторону Тугендбольда, — борется за репутацию столь энергично, что мешает мне бороться за доходы. Боюсь, что на ближайшем собрании акционеров вместо дивидендов нам придется выдавать газетные вырезки с хвалебными рецензиями.

— Господин директор, я ничего не понимаю... — растерянно сказал Тугендбольд.

— Это заметно, — ответил Дорн. — Придется вам объяснить. Если бы тридцать газет напечатали резолюцию перепуганных родителей, о, какая это была бы для нас реклама! Мы продали бы все, что у нас залежалось. Три газеты клюнули на протест родителей, и вы одну заставили отказаться от публикации, дру-

гую — напечатать, что наши книги высоконравственны. Благодарю, удружили...

— Я не уверен, — вставил заведующий рекламой, — что текст опровержения, который так обрадовал моего коллегу, не составлен нашими конкурентами. Мой коллега не прочитал последнюю строчку опровержения, а она, смею заметить, весьма существенна. Там написано: «...не являются безнравственными в отличие от книг фирмы «Харниш», которые действительно дают основание для такого рода обвинений».

— Дают основание! — простонал Дорн. — Все ясно. Это дело ловкачей из «Харниша». Их затраты себя окупают. А мы? Мы будем сидеть по уши в нашей нравственности, благородстве, среди нераспроданных книг. Попрошу вас, господин Хохдрук, во избежание дальнейших недоразумений объясните господину Тугендбольду — он новичок в этом деле — наши рекламные принципы.

— Прежде чем объяснить моему коллеге, — сказал Хохдрук, — эти принципы, я позволил бы себе, если, разумеется, патрон позволит мне это, спросить, известна ли ему — я имею в виду, разумеется, коллегу Тугендбольда — разница между парадоксом и софизмом?

— Меня, кажется, экзаменуют! — вспыхнул Тугендбольд. — Я юрист и отлично знаю, что такое софизм и что такое парадокс.

— Не спорю, — сказал Хохдрук. — И все же позволю себе привести пример. Господин Тугендбольд — юрист. Юриспруденция — наука логическая. Следовательно, господин Тугендбольд силен в логике.

— Это непристойные личные намеки! — закричал Тугендбольд.

— Отнюдь, — спокойно ответил Хохдрук. — Это софизм. Иначе говоря, ошибочное умозаключение, построенное по типу классического софизма: «Птицы двуноги, господин Тугендбольд двуног, следовательно, господин Тугендбольд — птица». Вот что такое софизм.

Хохдрук наслаждается тем, что дразнит высокоученого Тугендбольда, но еще больше тем, что его насмешки нравятся Дорну.

— Теперь, после примера, приведенного лишь для наглядности, позволю себе дать и теоретическое определение. Софизм — это чепуха, имеющая вид истины. Например, читатель открывает газеты; газеты пишут, что наши романы безнравственны; следовательно, читатель перестает читать наши романы. А что такое парадокс? Парадокс — это истина, имеющая вид абсурда. Не софизмы, а парадоксы положены в основу нашей рекламы.

— Совершенно верно, — сказал директор издательства. — Если в газетах будет напечатано, что наши романы можно читать даже детям, что это будет?

— Отличная похвала, которой, боюсь, мы не заслуживаем, — сказал Тугендбольд.

— А я думаю, что это будут подлые происки наших конкурентов. За такую похвалу к суду не притянешь, но такая похвала может нас разорить. А сейчас не вздумайте мешать тому, чтобы дело дошло до суда.

— Хорошо, — сказал растерянный юрист. — Дело дойдет до суда. И я приложу все усилия, чтобы мы его выиграли.

— Что вы называете выиграть? — спросил Дорн. — Боюсь, что у нас разное представление об этом.

— Газете придется уплатить штраф за клевету.

— Опять за свое! Нам не нужно штрафа, который заплатит газета. Мы сами можем заплатить этот штраф. Нам нужно, чтобы в газете был напечатан отчет о процессе и чтобы нашлись свидетели, которые твердо и решительно засвидетельствуют, что наши книги безнравственны. Вот об этом вам и придется позаботиться.

— Это и есть реклама, основанная на парадоксах, — сказал Хохдрук. — Хочешь, чтобы купили штаны, — хвали их. Хочешь, чтобы купили книгу, — позаботься о том, чтобы ее обрутали.

— Нам незачем заботиться о своей репутации, — добавил директор Дорн. — Мы ею не торгуем. Мы торгуем книгами. Можете идти.

Тугендбольд удалился. Хохдрук остался.

— Что еще? — спросил его Дорн.

— Пришло письмо из Клейнклерсдорфа, — ответил Хохдрук. — Читатель, который просит отвечать ему до востребования: после трех выпусков правильно отгадал развязку романа «Каменная стопа».

— Очень хорошо, — сказал Дорн. — Уже давно никто не выигрывал нашей премии. Такая реклама не помешает. При выплате должны присутствовать репортеры, представитель телевидения и радио. Командируйте кого-нибудь из своего отдела. Чтобы все было устроено как надо. И не забудьте сообщить об этом автору сюжета. Если и следующее его сочинение будет отгадано после трех выпусков, мы снизим ему гонорар. Можете идти...

— Меня кто-нибудь ждет? — спросил Дорн у секретаря.

— Незвестная барышня умоляет господина директора о приеме.

— Просите...

ГЛАВА VI,

в которой читатель знакомится с домочадцами Земиколона

Пока издательство «Цербер» жило своей обычной жизнью, Земиколон, человек с железными нервами, за обеденным столом рассказывал домашним о письме без марки. Фрау Земиколон всплеснула коротенькими ручками и воскликнула:

— Надо заявить в полицию, папочка!

— Я доложил шефу господину Дорну, — сказал Земиколон. — Этого достаточно.

— Письмо с угрозами. Здорово! — вскричал сын Земиколона Карл-Мария Земиколон-младший, школьник, сочетавший выдающиеся вешушки с посредственными способностями. — Как в кино!

Карл-Мария был немедленно изгнан из-за стола за неуместное выражение восторга, а г-н Земиколон, чтобы успокоиться, начал не в первый раз излагать супруге смысл усовершенство-

вания, которое будет способствовать дополнительным прибылям фирмы «Цербер».

— Человек, который заплатил деньги за конфету, не может съесть ее второй раз. Человек, который заплатил деньги за билет в кино, не в состоянии посмотреть второй раз фильм по тому же билету. Он не в состоянии также показать этот фильм дома своему соседу. В каком невыгодном положении по сравнению с продавцом конфет и владельцами кинотеатра находятся те, кто торгует книгами! Покупатель заплатил нам, и мы сразу же выпускаем книгу из рук. Он одалживает книгу направо и налево, пока она не рассыплется, и мы ничего не можем с этим поделать. Трижды одолженная книга — тройной убыток фирмы «Цербер». Но как избежать этого?

— Голубчик, — кротко сказала г-жа Земиколон, — никогда не нужно ломать голову над тем, что недостижимо.

— В наш-то век? — сказал Земиколон. — В книге должны быть склеенные страницы. Открывши первую, читатель тем самым отклеивает текст, который, представ перед его глазами, держится на странице лишь то время, которое необходимо, чтобы прочитать одну страницу. А затем под воздействием воздуха и света текст исчезает. Хотите перечитать? Что же! Вам придется, как и тому, кто хочет съесть вторую конфету или посмотреть второй раз фильм, платить заново. Хотите одолжить книгу соседу? Не тут-то было: у вас в руках пачка чистых листов бумаги!

— Гениальная идея, папочка! — сказала г-жа Земиколон. — Одно только неясно: как ты ее осуществишь?

— Пока я ее не осуществил, я буду бороться со всеми, кто наносит жестокий ущерб нашей торговле. И никакие угрозы не заставят меня свернуть с избранного пути! — воскликнул Земиколон, в воображении которого «Отчаянные ребята», подписавшие письмо, слились с теми, кто, одалживая книги, наносит невосполнимый ущерб фирме «Цербер».

ГЛАВА VII,

в которой фрейлейн Трумпф получает отказ, а г-н Дорн — докладную записку

Барышня, умолявшая директора издательства Дорна о приеме, была очень хорошенькой, очень старательно одетой и очень заплаканной. Она стремилась помочь своему жениху доктору Абердоху, переведенному в корректуры. Жалованье корректора столь ничтожно, они так давно мечтают пожениться, господин директор так добр, они так надеются...

Но барышня удалилась ни с чем, а директор издательства погрузился в отчет, присланный Земиколоном. Отчет был обычным. В нем говорилось, что лучше всего расходуется книга «Пестрые лошади и клетчатые рубахи», что автомат, продающий листочки, оправдывает себя, что первый выпуск романа «Стены за стенами» не привлек внимания читателей. Словом, обычная деловая проза, раздражавшая г-на Дорна лишь своим многословием.

Но вдруг глаза директора округлились. Под заголовком «Дополнительные сведения к отчету» стояла следующая фраза: «Полагаю своим долгом сообщить, что мною получено письмо, подписанное неизвестными лицами под двери магазина; письмо подписано «Отчаянные ребята» и содержит угрозу; вышеупомянутая угроза дословно звучит так: «Если ты не одумаешься, а в чем — тебе самому известно, то увидишь, что за этим письмом последует много неожиданностей». Испрашиваю указаний: заявить ли об угрозе полиции или от вас последует другое распоряжение?»

— Все ясно, — вздохнул Дорн. — Как несовершенно люди! Владелец пивной спивается, кондитер заболевает сахарной болезнью, продавец детективов — манией преследования. А жаль. Был полезный служащий. — И, покачав головой, Дорн поместил в календаре: «Справиться о состоянии здоровья Земиколна».

...День в издательстве «Цербер» шел обычным ходом. Сюжеты двигались по коридору-конвейеру, работники смехотеки разгonyяли по карточкам очередной улов, бухгалтерия подсчитывала доходы и убытки, а заведующий отделом «ЯОТ» Дрилленхенгст давал указания своему заместителю.

— Отбываю в известное вам место! — говорил Дрилленхенгст. — Отдел оставляю на вас. В субботу в двенадцать ноль-ноль и вам надлежит быть там, куда я направляюсь...

— Слушаюсь! — ответил заместитель и прицелкнул каблучками.

Что и говорить, дисциплина в этом отделе была отменная, почти как на казарменном плацу.

— Вольно! — пошутил Дрилленхенгст и отправился на улицу, сняв с вешалки серый плащ...

ГЛАВА VIII,

состоящая из телеграмм, объявлений и газетных вырезок

Телеграмма из Клейнклекерсдорфа:

«БИРШТАДТ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕРБЕР ХОХДРУКУ ЧИТАТЕЛЬ ЗПТ ОТГАДАВШИИ РАЗВЯЗКУ КАМЕННОЙ СТОПЫ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПУБЛИЧНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ПРЕМИИ ЗПТ ССЫЛАЕТСЯ НАШИ ПРАВИЛА ЗПТ ОБЪЯВЛЕННЫЕ РЕКЛАМАХ ТЧК НАСТАИВАЕТ ПЕРЕВОДЕ ДЕНЕГ ПОЧТОЙ ВОСТРЕВОВАНИЯ ПОДПИСЬ ВРИЛЛЕНТРЕГЕР».

Телеграмма из Бирштадта:

«КЛЕЙНКЛЕКЕРСДОРФ ГОСТИНИЦА КРАСНЫЙ ГУСЬ ВРИЛЛЕНТРЕГЕРУ ПРЕМИЮ ПЕРЕВЕЛИ ПОЧТУ ВОСТРЕВОВАНИЯ ТЧК ОБЪЯВЛЯЮ ВЫГОВОР НЕУМЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СИТУАЦИЮ ИНТЕРЕСАХ ФИРМЫ ХОХДРУК».

Служебная записка директору фирмы «Цербер» от заведующего отделом переписки с читателями:

«При сем препровождаю письмо читателя из города Пумперникеля. Прилагаемое письмо содержит отгадку сюжета серии «Черная рука». Считаю необходимым обратить внимание дирекции, что сюжет предугадан после публикации двух из семи выпусков. Справку бухгалтерии об убытках в связи с выплатой премии прилагаю».

Резолюция директора Дорна: «Потребовать объяснений у заведующего отделом сюжетов».

Заметка из газеты «Пумперникельботе»:

«Вчера в помещении пивного зала «Горный трубач» состоялся ужин по поводу выигрыша, выпавшего на долю почтенного гражданина нашего города г-на Штрувельпетера, члена клуба любителей кегельной игры и секретаря общества покровителей канареечного пения.

Впервые в жизни приняв участие в отгадывании сюжета детективной серии, выпускаемой фирмой «Цербер», он получил приз. Наш корреспондент, посетивший торжественный ужин, беседовал с выигравшим, который заявил, что обязан своей победой логическому чутью, развившемуся у него вследствие многолетнего чтения нашей газеты, и надеется и впредь безошибочно угадывать ход сюжетов фирмы «Цербер».

Резолюция г-на Дорна на газетной вырезке: «Г-ну Хохдруку на срочное заключение».

Телеграмма из Дункельвинкеля:

«БИРШТАДТ ЦЕРВЕР ДОРНУ

**СВЯЗИ НАСТУПЛЕНИЕМ СРОКА В МАГАЗИНЕ
ВСКРЫТЫ ЗАПЕЧАТАННЫЕ КОНВЕРТЫ С ПРЕДПО-
ЛАГАЕМЫМИ РАЗГАДКАМИ ТЕКУЩИХ СЕРИИ ПРИ-
СУТВИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕССЫ И НОТАРИУСА
КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ
НЕУДАЧУ ОТГАДОК ТЧК ПЯТЬ КОНВЕРТОВ СОДЕР-
ЖАТ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТГАДКИ РАЗЛИЧНЫХ СЕРИИ
ЗПТ ПРОШУ СРОЧНО ПЕРЕВЕСТИ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ
ВЫПЛАТЫ ВЫИГРЫШЕЙ ЗЕМИКОЛОН».**

Распоряжение по издательству «Цербер»:

«В пятницу в 12 часов дня заведующие отделами созываются на экстренное служебное совещание.

Повестка дня: «Особенности неожиданной ситуации».

Записка:

«Заместитель заведующего отделом «ЯОТ» Штильгештанден просит у господина директора Дорна разрешения не присутствовать на совещании в пятницу, поскольку дело, о котором известно господину Дорну, потребует его отсутствия до конца недели».

Резолюция Дорна: «Дорогой Штильгештанден! Разумеется, я не возражаю против Вашего отсутствия. Дружески — Дорн».

Объявление из газеты «Бирштадтнахрихтен»:

«Юная блондинка, 22 лет, 156 сантиметров, умеренно полная, разочарованная в прежних исканиях, любящая музыку и понимающая природу, ищет знакомства с человеком, имеющим твердое положение в обществе. Предложения адресовать в редакцию газеты под девизом «Майглоке».

Телеграмма из Бирштадта:

«ДУНКЕЛЬВИНКЕЛЬ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ АУГЕНВАЙ-
СУ ОНА ОТ МЕНЯ ОТКАЗАЛАСЬ = АБЕРДОХ».

Телеграмма из Дункельвинкеля:

«БИРШТАДТ ЦЕРБЕР АБЕРДОХУ МУЖАЙСЯ = АУГЕН-
ВАЙС».

ГЛАВА IX,

в которой совещание у Дорна заходит в тупик

Собравшиеся на совещание коллеги впервые увидели, что Хохдрук растерян.

— В то время как мы, — тусклым голосом говорил он, — собирались начать новую рекламную акцию, рассчитанную на шум, связанный с предложениями запрета наших книг, многочисленные правильные разгадки, поступившие одновременно из нескольких городов и относящиеся к различным сериям, спутали наши планы. Мы изучили все письма, содержащие разгадки. С уверенностью можно сказать следующее. Особенно много писем с разгадками поступило в магазин, которым заведует Земиколон. Эти письма нанесли убыток нашему издательству, превышающий двадцать тысяч марок. В города Клейнклекерсдорф и Пумперникель письма с отгадками присланы немногочисленными читателями. Некоторые отгадавшие настойчиво отказываются от публичного вручения премий. С другой стороны, один из читателей не отказался даже от публичного банкета... Попытаемся связать воедино эти разнообразные факты.

— Достаточно, — нетерпеливо перебил Дорн. — Не хватает еще, чтобы вы предложили нам измерить следы читателей, приносивших письма с отгадками. Мы — издатели детективов, а не герои этих книг. Нас интересует только одно. Число отгаданных серий возрастает день ото дня. Конечно, газетные заметки о выигрышах привлекли внимание читателей, и спрос за истекшие две недели является более чем удовлетворительным. Но удачные отгадки подрывают — что? Они подрывают краеугольный камень нашего дела.

— Позволю себе заметить, — сказал заведующий отделом рекламы, — не вполне...

— Вздор! — сказал Дорн. — Железный принцип рекламы — постоянство. Покупатели привыкли: «Единственные в мире детективы, которые нельзя разгадать, — детективы фирмы «Цербер». Шлите разгадки и убеждайтесь в этом». Прикажете нам заме-

нить девиз? «Легче всего разгадать детективы фирмы «Цербер». Посылайте ваши предположения и убедайтесь в этом!» Парадоксально, но, боюсь, успеха не возымеет.

Приоткрыв до половины дверь, склонив почтительно голову набок, в кабинет впорхнула секретарша. Вначале Дорн отмахнулся от нее, как от мухи, но потом прислушался к ее почтительному жужжанию.

— Хорошо, — сказал он недовольным голосом. — Соедините. Звонит Земиколон, — объяснил он присутствующим. — Экстренное дело.

— Так я и знал, — простонал бухгалтер издательства. — На прошлой неделе мы перевели ему десять тысяч!

Брови Дорна, говорившего с Земиколоном, полезли наверх и там сломались пополам, изображая крайнее изумление. Потом раскрылся рот, да так, что казалось, его никогда уже не удасться закрыть. Потом Дорн с трудом опустил брови, с трудом захлопнул рот, чтобы процедить: «Приму меры», — и положил трубку.

— Земиколон окончательно сошел с ума, — сказал он. — Он выплатил еще несколько выигрышей. Но дело не в этом. Он позвонил мне с официальным заявлением, что непреодолимая сила толкает его самого разгадывать сюжеты. Боясь нанести ущерб фирме, так как он уверен в правильности своих догадок, он докладывает об искушении и просит немедленного отпуска или инструкций.

— Он-то не отгадает, — рискнул высказаться Хохдрук. — Земиколон звезд с неба не хватает.

— Дело в том... — перебил Дорн. — Он мне сказал... Ему кажется, что так осуществляется некая угроза. Впрочем, это не относится к делу. Гораздо проще предположить, что он действительно спятил. Господин Хохдрук, вам поручается выяснить это на месте. Правда, — вспомнил вдруг Дорн, — там сейчас находится наш дорогой Дрилленхенгст, но у него другие, более важные дела... Продолжаем совещание. Итак, я резюмирую...

ГЛАВА X,

в которой Карл-Мария Земиколон-младший и его друзья странным способом ловят рыбу

На берегу речки, протекавшей через Дункельвинкель — город, в котором обитал со своим семейством г-н Земиколон, подвергавшийся неслыханному искушению, — сидело трое мальчишек: веснушчатый Карл-Мария Земиколон и его закадычные друзья — Петер и Франц. Мальчишки удили рыбу. Точнее сказать, у каждого из них в руках была удочка, а к удочкам были прицеплены лесы. Лесы были заброшены в реку. И только сами мальчишки знали, что ни на одной лесе не было ни крючка, ни наживки.

— Отличную уловку я придумал! — воскликнул Карл-Мария. — Пусть все думают, что мы удим, а мы в это время...

— Тсс!.. — сказал Франц. — Не следует лишний раз гово-

рять вслух о нашей тайне. Лучше расскажи, что произошло за эти дни.

— Но вы должны еще раз поклясться, что никогда и никому... — потребовал Карл-Мария.

— Мы уже клялись, — ответил Петер. — Первый раз, когда...

— Помню, — сказал Карл-Мария. — Не нужно напоминать об этом вслух.

— Второй раз, когда...

— И об этом я тоже не забыл. Но сегодняшний раз — важнейший.

— Ну что же, — меланхолически согласился Петер, — я готов поклясться. Клянусь! — он поднял два пальца.

— Клянусь! — Франц тоже поднял два пальца.

Мальчишки сблизили головы и приготовились слушать. Но в этот момент на мосту почти рядом с ними остановился дальний автобус. Из автобуса вышел человек высокого роста в сером плаще, с небольшим чемоданчиком в руках.

Он окликнул ребят резким металлическим голосом:

— А ну-ка, сюда!.. И поживее! Марш! Марш!

Карл-Мария, самый решительный, подошел к приезжему, но все-таки остановился в нескольких шагах от него, готовый тут же дать тягу.

— Чем могу служить? — спросил он, гордясь, что без запинки произносит такую взрослую фразу. Ведь так спрашивал отец, когда в магазин входили покупатели.

— Как пройти в гостиницу «Старая кружка»? — спросил приезжий.

Мальчик начал было объяснять.

— Может быть, проводить вас? — услужливо предложил он.

— Не нужно! Понял. Найду сам, — ответил приезжий и удалился в указанном направлении.

Карл-Мария вернулся к друзьям.

— Так слушайте. Я вытащил из папки отца письмо «Отчаянных ребят», — сказал Карл-Мария.

В этот момент на шоссе остановилась малолитражка. Человек, сидевший за рулем, приоткрыл дверцу и крикнул ребятам:

— Живо! Ко мне!

На этот раз они подбежали втроем. Сидевший за рулем — он был в сером плаще — отрывисто спросил:

— Гостиница «Старая кружка». Как проехать?

Мальчишки объяснили и вернулись к своим удочкам. Карл-Мария Земиколон-младший проворчал:

— И поговорить не дадут. Далась им «Старая кружка». Значит, так. Я вытащил из папки отца письмо «Отчаянных ребят». Вместо него я вложил в папку...

Он нагнулся и прошептал ребятам что-то на ухо.

— Да ну! — закричали они.

— Вот видите, не зря вы клялись.

— Что ж теперь будет? — спросил Петер.

— Как это к тебе попало? — спросил Франц.

— Старик, — ответил Карл-Мария, — с которым мы меняем-

ся марками, поручил мне отнести письмо на почту, но позабыл его запечатать. Полдороги я говорил себе: и не подумаю посмотреть, что там написано. Потом я сказал: взгляну одним глазом. А перед самой почтой свернул в сторону, вынул листок и прочитал...

Карл-Мария Земиколон-младший не успел сказать, что именно он прочитал в доверенном ему письме. На шоссе остановился мотоцикл. Мотоциклист окликнул ребят. Они, не дожидаясь его вопроса, закричали хором:

— Гостиница «Старая кружка»?

— Точно так! — ответил тот, отряхивая пыль со своего серого плаща...

Ребята объяснили ему дорогу и вернулись к удочкам и превращенному рассказу младшего Земиколона.

— Ну и что?

— ...я списал прочитанное и копию того, что прочитал, решил подсунуть папе.

— А письмо старика ты отправил?

— Отправил.

— Представляю себе, какая заварится каша! А может, там все написано неверно?

— Неважно, что неверно. Важно, что это теперь у отца. Теперь и начнется самое интересное, — сказал младший Земиколон. — Вы только представьте себе...

Но Петер и Франц снова отвлеклись. На шоссе остановилась еще одна машина. Люди, сидевшие в ней, даже не стали подзывать ребят к себе. Они просто крикнули:

— К «Старой кружке» как проехать?

Объяснив дорогу, мальчишки переглянулись.

— Что там происходит, хотел бы я знать, — сказал Франц.

— А что там может происходить! — протянул Земиколон-младший.

Он был недоволен. Приезжие, словно сговорившись, спрашивали дорогу к «Старой кружке», отвлекли внимание от его рассказа. Но Карл-Мария не любил выпускать инициативу из своих рук.

— Мы должны выработать план действий, — сказал он.

— А может, лучше сбегает пока к «Старой кружке» и посмотрим, что там происходит? — предложил Петер.

— Бегите, — сказал Карл-Мария, — я не пойду. Чего я там не видел! У нас есть дела поважнее.

Но все-таки, хотя обида была велика, он пошел за друзьями. А идти, пожалуй, действительно стоило. Долго еще потом гадали мальчишки, почему в субботу на дверях ресторана гостиницы «Старая кружка» висит объявление «Сегодня закрыто», а через окно видно, что на вешалке гардеробной висит не меньше полусотни одинаковых серых плащей и в дверях кухни то и дело мелькают кельнеры с подносами, заставленными тарелками. Но их все равно не пустили бы внутрь, и они не могли бы поэтому увидеть, как люди, прибывшие в гостиницу, вскакивают и вытягиваются при появлении человека, которого в издательстве «Цербер» знают как отставного полковника Дрилленхенгста, начальника отдела «ЯОУ».

ГЛАВА XI,

в которой фрейлейн Трумпф получает первые отклики на свое письмо, а Хохдрук нападает на след преступления

Лизьхен Трумпф, как уже, очевидно, догадался читатель, и была той умеренно полной блондинкой 22 лет и 156 сантиметров роста, которая, разочаровавшись в прежних исканиях, дала объявление в газету. Что делать! Ей было, конечно, жаль после трехлетней помолвки отказываться от доктора Абердоха, но еще больше ей было жаль себя. Стать женой корректора? Такая перспектива ей не улыбалась. Докторский титул без денег и положения, которые соответствовали бы этому титулу, — ну, какая же это перспектива? «Каждый сам кует свое счастье», — любила повторять фрейлейн Трумпф старинное изречение. И первый удар по этой наковальне она нанесла, дав объявление в газету. «Играть следует честно», — столь же охотно повторяла фрейлейн Трумпф фразу из кинобоевика «Жизнь на ринге». Поэтому она напрямик сказала Абердоху, что отрекалась от него, и, покуда отвергнутый жених переживал ее коварство, Лизьхен пожинала первые плоды своего смелого шага. Нельзя сказать, чтобы они были обильны. Ответов было не очень-то много. Грубые материалисты ставили предварительный вопрос о приданом. Идеалисты умалчивали о приданом, но просили прислать карточку в полный рост, гарантируя строжайшее соблюдение тайны. Лишь один ни о чем не спрашивал и ничего не просил. Он напирал лишь на то, что тоже любит музыку, природу. Ему-то Лизьхен назначила свидание. Претендент должен был появиться ровно в двенадцать. Он предложил встретиться не в Бирштадте, а в Дункельвинкеле, благо до него можно за час доехать на автобусе. Лизьхен узнает его по серому платочку в кармане спортивного пиджака и букетику гвоздик, который он будет держать в левой руке.

Пленительные детали! Даже самый снисходительный человек не отважился бы назвать пиджака доктора Абердоха спортивным. Что касается цветов, то отвергнутый жених имел привычку держать их, далеко отставив руку в сторону и всем своим видом показывая, что лично он к этим цветам не имеет никакого отношения. Но сейчас она ждала другого, который, несомненно, — о, она предчувствует это! — умеет дарить цветы. И вот этот другой появился — его внешность превзошла самые смелые ожидания. Он был почти молод, одет почти как актер Боб Робинс в боевике «Тот, из-за кого все сходят с ума», а поклонился ей почти как Дуг Портер в фильме «Претендент на руку принцессы».

Как отлично все складывается! Они сидят за столиком в пустом саду ресторана. Она объяснила, почему, будучи девушкой с идеалами, с одной стороны, но вполне современной — с другой, решила дать объявление в газету, и он уже успел сказать, что всецело понимает ее стремление бросить таким образом решительный вызов судьбе, как вдруг за соседним столиком появляются трое мальчишек. В руках у них удочки. Один из них поразительно веснушчат.

— Не понимаю, почему в ресторан пускают детей, — каприз-

но говорит Лизьхен, монолог которой о том, как она понимает родство душ, прерван на самом патетическом месте.

— В дневное время мы не можем отказывать нашим постоянным гостям в мороженом и лимонаде, — извиняется кельнер.

— Не будем обращать на них внимания, — успокаивает Лизьхен ее спутник. — Разве вам не кажется, что мы здесь вдвоем и что мы очень-очень давно знакомы?

О, конечно, Лизьхен это тоже кажется.

Но вдруг она видит, что лицо воспитанного кавалера, который с живейшим вниманием слушал ее монолог, вроде бы изменилось. Он по-прежнему слушает ее, но уже не слышит. И вместе с тем он внимательнейше прислушивается. К чему же? Неужели к болтовне мальчишек за соседним столиком? Лизьхен говорит обиженно:

— Я вижу, вас что-то отвлекает, мой дорогой?

— А?.. Что?.. Извините... — рассеянно отвечает претендент.

Лизьхен закусывает губку. Хорошо! Она будет молчать.

Лизьхен замолчала. От этого в кафе сразу стало тихо. И в наступившей тишине слышны голоса мальчишек.

— Ну и что он? — спросил один из них.

— А он, — ответил веснушчатый, — а он и говорит маме: «Ты подумай, какое искушение! Десять лет безупречной службы у фирмы «Цербер». И теперь такое искушение! Но Земиколлон знает свой долг». То-то! Это вам не серые плащи в «Старой кружке», на которые вы все хотели променять...

— Ладно уж, чего там, — примирительно говорят друзья веснушчатого. — Дальше давай.

— С другой стороны, получить у «Цербера» премию...

В пору расплакаться. Несчастья Лизьхен начались с того, что доктор Абердох поступил в издательство «Цербер». А теперь на розовой заре нового романа почти молодой человек, который при первом же свидании не покусился на угощение, едва услышав за соседним столиком слова «фирма «Цербер», уже не обращает на нее внимания и, как говорят в романах — Лизьхен очень начитанна, — «весь превратился в слух». Он вслушивается в разговор мальчишек.

— Выпьем, «Отчаянные!» — говорит самый веснушчатый.

«Отчаянные» чокаются лимонадом.

Претендент встает.

— Извините меня, фрейлейн Трумпф, мы еще не раз встретимся. А сейчас — дела. Вы понимаете...

— Значит, вы приехали по делу, — разочарованно говорит Лизьхен. В голосе ее звучат слезы. Носик краснеет.

— По двум, — отвечает претендент. — Первое и наиважнейшее — встреча с вами, второе... Вы писали, что хотите познакомиться с человеком, который обладает солидным положением в обществе. Я таковым обладаю. Мне дает его служба. Служебное дело не может быть отложено. Вы не осудите меня. Нет, нет. Вам достаточно узнать, в какой солидной фирме я служу.

Претендент протягивает фрейлейн Трумпф визитную карточку: «Ходрук, заведующий отделом рекламы фирмы «Цербер».

— И вы тоже? — вскрикивает фрейлейн Трумпф и бледнеет.

(«Как плотно!» — вписали бы в этом месте редакторы «Цербера».)

Но Хохдрук даже не замечает ее восклицания. Он устремился к выходу, через который уходят мальчишки.

ГЛАВА XII,

также состоящая из деловых бумаг

Юрисконсульту фирмы «Цербер» г-ну Тугенбольду:

«Служебное поручение

§ 1. Некто, по имени Гектор Пулле, проживающий в нашем городе, профессиональный астролог, в объявлении, опубликованном в газете «Бирштадтнахрихтен», заявил, что его «способность предсказывать будущее может быть проверена клиентами, которым он берется предсказать ход сюжета текущей серии фирмы «Цербер», ибо даже сочиненный писателем сюжет подвластен воле планет».

Вам поручается выяснить, может ли быть возбуждено против Гектора Пулле фирмой «Цербер» судебное дело на законном основании и нельзя ли подвести его объявление под статью о нечестной конкуренции.

§ 2. Вам поручается выяснить, может ли фирма «Цербер», не подвергая себя опасности судебного преследования, изменить сюжетные ходы в сериях, начавших поступать в продажу».

Телеграмма из Дункельвинкеля:

«БИРШТАДТ ЦЕРБЕР ДИРЕКТОРУ ДОРНУ
НАПАЛ НА СЛЕД ЗПТ ЗАДЕРЖИВАЮСЬ ЗПТ
ЗЕМИКОЛОН ЗДОРОВ ДОВЕРИЯ НЕ ВНУШАЕТ =
ХОХДРУК».

«Господину директору Дорну

Прошу с сего дня не считать меня сотрудником фирмы «Цербер» в связи с переменной деятельностью.

Дрилленхенгст, полковник в отставке».

Заключение юридического отдела:

«§ 1. С великим сожалением должен сообщить господину директору, что фирма «Цербер» не имеет законного основания возбудить против Гектора Пулле судебное дело. Последним является официально зарегистрированным астрологом, то есть лицом, имеющим законный патент на предсказания будущего. Законодатель, допустивший регистрацию предсказателей, не ограничил область, в какой им дозволяется делать свои предсказания.

Возникает вопрос: можно ли привлечь Пулле к суду через третьих лиц за предсказание, если оно не сбудется?

Ответ: Нельзя. Астрологические предсказания основываются на частной сделке между клиентом и астрологом. Обе стороны выступают в эту сделку, заведомо зная, что предсказание основывается на данных, не признаваемых наукой действительными.

Поэтому законодатель не предусмотрел кары за неверное предсказание.

Таким образом, мы не сможем привлечь господина Пулле к суду, если его предсказание сюжета не сбудется. К тому же это не имеет смысла, так как несбывшееся предсказание пойдет фирме на пользу.

Возникает вопрос: можем ли мы привлечь его к суду, если предсказание сбудется?

Ответ. Тем менее. В наших объявлениях об условиях выплаты призов обусловлен только способ и срок сдачи предполагаемых разгадок, но не оговорено, что мы отказываемся платить читателю, если он обратится к совету небесных светил, полученному через посредство астролога.

Таким образом единственное, что нам остается сделать, это отнестись к господину Пулле, как к читателю, принявшему участие в разгадывании сюжетов. Если он пожелает сообщать свою разгадку нескольким клиентам, а они пришлют ее нам, требуя премии, придется уплатить им премию равными с господином Пулле долями солидарно.

Боюсь, что и этот путь юридически не безупречен.

§ 2. Фирма «Цербер» не может изменить ходы поступивших в продажу серий. Пользуясь аналогией, скажу, что с юридической точки зрения это было бы равносильно изменению правил игры в карты в казино в ходе партии без ведома игроков односторонним решением банкмета, каковой на основании этого решения отказался бы выплачивать беспспорные выигрыши. Полагаю, что парадоксальный пример убедит господина директора.

Слово «парадоксальный» подчеркнуто господином Тугенбольдом.

ГЛАВА XIII,

которая содержит несколько логических умозаключений и одну энергичную резолюцию

«Высокоуважаемый г-н директор Дорн!

Как вы увидите из моего почтительного доклада, я не напрасно задерживаюсь в этом городе, хотя само по себе психическое состояние Земиколона, шефа нашего магазина, не вызывает опасений. Однако цепь логических умозаключений позволяет мне сделать вывод о том, кто является источником разгадок, наносящих ущерб нашей фирме. Меня навела на след встреча с малолетним сыном нашего служащего Земиколона. Затем я увидел его отца, который дал мне в высшей степени двусмысленные и неудовлетворительные объяснения того странного обстоятельства, почему у него возникло искушение разгадать очередную серию. Он утверждает, что однажды нашел у себя в магазине в папке с деловыми бумагами незапечатанное письмо, содержавшее разгадку. Разгадка, как продолжал он, была сформулирована столь убедительно, что он почувствовал неудержимый соблазн воспользоваться советом, но, утверждает он, будучи честным служащим фирмы, он, вопервых, тут же сообщил об этом соблазне, а во-вторых, преодолел его. Земиколон категорически отрицает, что ему известно

что-либо о происхождении этого письма. Он заявляет, что был искренне поражен, когда, получив последний выпуск серии, увидел, что разгадка в подброшенном ему письме была правильной. Свою лояльность по отношению к фирме он подтверждает ссылкой на то, что не получил деньги, которые мог бы получить, пожелай он воспользоваться разгадкой через подставное лицо.

Между тем мне стало известно, что в соседнем городе выплачена премия за разгадку той же серии. Остается установить, совпадает ли разгадка, предъявленная к оплате, не только по существу, но и текстуально с подброшенной Земиколону разгадкой, на которую он ссылается, но которую мне, несмотря на мои требования, еще не предъявил. Если они совпадут, значит так называемое подброшенное письмо и второе письмо исходят от одного лица.

Цепь дальнейших умозаключений заставляет меня полагать, что сам Земиколон является источником всех наших неприятностей. Жители города обратили внимание на то, что недавно в гостинице «Старая кружка» состоялось собрание лиц, неизвестных в этом городе. Не являются ли эти лица сообщниками Земиколона, приехавшими к нему за получением инструкций, ибо я полагаю, что это он выступает в роли отгадчика, давая советы подставным лицам?»

Резолюция Дорна синим карандашом:

«Идиот. Как он сам разгадывает?»

ГЛАВА XIV,

в которой г-н Дорн решает лично разобраться в том, что происходит, и узнает нечто из области астрологии

Г-н Дорн шел пешком. Это случалось с ним не часто. Для этого должны были быть веские причины. Со стороны он напоминал героя книг, выпускаемых его издательством, ибо он, во-первых, поднял воротник, словно не желая быть узнанным прохожими, а во-вторых, поглядывал на бумажку, зажатую в ладони, стараясь делать это как можно более непринужденно и естественно и оттого являя собою зрелище, которое должно было привлечь внимание каждого, имеющего глаза.

Г-н Дорн зажимал в ладони вырезку из газеты с рекламным объявлением астролога. К нему-то директор издательства и направлял свои стопы.

Приемная астролога ничем не отличалась от приемной зубного врача средней руки или не слишком популярного адвоката. Несколько кресел из гнутых стальных труб (в двадцатые годы они были объявлены провозвестниками нового мебельного стиля, а теперь доживают свой век в таких приемных), унылые растения загадочного происхождения, два-три растрепанных иллюстрированных журнала для тех, кто томился в очереди. Но на креслах никто не сидел, журналов никто не перелистывал, в очереди никто не томился. Было не похоже, что жители Бирштадта толпами валят к Гектору Пулле, дабы выяснить, какую судьбу предвещает им состояние светил.

Дорн постучал в дверь с надписью «Астрологический кабинет», услышал: «Войдите», — и предстал перед Гектором Пулле.

— Здравствуйте, господин Дорн, — сказал тот, не давая посетителю раскрыть рта и набрасывая поверх костюма свою спецодежду — черный плащ с нашитыми на нем знаками Зодиака.

— Откуда вы знаете, кто я? — вырвалось у Дорна.

— Поскольку сейчас день, не стану уверять, что прочитал это в звездах. Главное, что я не ошибся. Я полагаю, что не ошибусь также, высказав предположение, зачем вы ко мне пожаловали. Разгадку очередной серии вашего издания я предскажу вам так же, как сделал бы это всякому другому, за мою обычную плату — пять марок за устное предсказание, семь — за письменное, десять — за предсказание с астрономическим чертежом.

— Астрономический чертеж можете оставить при себе, — не слишком любезно ответил Дорн. — Итак, я вас слушаю.

Астролог хлопнул по боку лоснящийся круглый шар, изображающий небесную сферу. Так фокусник считает своим профессиональным долгом постучать по столу палочкой и громко объявить ее волшебной, хотя надеется только на ловкость собственных рук.

— Поскольку публикация романа «Ее колье» начата в марте, а март, как известно, находится под эгидой созвездия Скорпиона и сильным влиянием Козерога...

— Бросьте паясничать... — перебил Дорн. — Можете сэкономить время.

— Хорошо, — продолжал Пулле. — Раз вас интересует не мыслительный процесс, а лишь его зримый результат, пожалуйста. Итак, в «Ее колье» был герой, по имени Томсон. Он-то и свистнул колье у звезды экрана. Это обнаружится, — он снова пошлепал небесную сферу, — на предпоследней странице, когда звезде напомнят о репортере, который брал у нее интервью на первой странице. Можете не говорить мне, что я прав. Глоток воды или таблетку с валидолом?

— Откуда вам известна разгадка? — спросил Дорн, с трудом переводя дыхание.

— Небесные сферы... — пожал плечами Пулле, — проникновение в тайны — людские и литературные.

— Сколько? — сказал Дорн.

— Предсказание было сделано устно, — сказал Пулле. — Пять марок.

— Сколько за то, чтобы вы его забыли? — сказал Дорн. — Или, еще лучше, перепутали?

— У каждой профессии есть свои законы. Это было бы нарушением профессиональной этики. Но там, где идет разговор о деле... Сделаем деловой расчет. Предположим, что за разгадкой «Ее колье» ко мне обратятся десять читателей. Каждый из них получит от вас тысячу марок. Это составит десять тысяч марок. Не исключено, что ко мне обратятся и двадцать читателей, и тридцать, и пятьдесят... Пожалуй, мне выгоднее выждать.

Дорн ответил:

— Сколько бы читателей к вам ни обратилось и скольким

бы вы ни подсказали разгадку, мы всем вашим клиентам вы- платим одну премию. Любой суд подтвердит, что мы правы.

— Сомневаюсь, — ответил Пулле. — Никто не будет гнать читателей за язык, чтобы они доложили о консультации со мной. Но я не мелочен. Вы сказали, что заплатите на всех одну премию. Меня это радует. Я предполагал получить с вас марок сто, может быть, двести. Теперь я вижу, что вы готовы предложить сумму премии. Я согласен. Итак, тысяча марок — и я буду предсказывать моим клиентам, что субъектом, стянув- шим драгоценность, был... — он подумал, — скажем, шофер Герберт. Кажется, возможность такой разгадки заложена у вас в середине романа. А если ко мне придут с претензиями, я объясню, что не учел дополнительного воздействия Млечного Пути... Вот так...

Дорн выписал чек на тысячу марок:

— Как видите, я не торгуюсь. Сколько за то, чтобы вы объяснили мне, как вы разгадали сюжет?

Но тут открылась дверь. Впрочем, этому предшествовал стук. Но появление постучавшего следовало столь стремительно за стуком, что стук был пустой формальностью. В дверях астроло- гического кабинета возник розовощекий старик в мундире отставного чиновника почтового ведомства.

— А вот и разгадка, — сказал Гектор Пулле. — Напрасно ты поспешил, — обратился он к вошедшему. — Мы вели весь- ма поучительный разговор. Позвольте вас познать.

— Директор Дорн, — буркнул клиент астролога.

— Почтмейстер в отставке Аугенвайс, — любезно ответил старик.

ГЛАВА XV,

в которой г-н Хохдрук пытается столкнуться с предводителем «Отчаянных»

— Нет, так дело не пойдет, — сказал Хохдрук, стараясь сохранить миролюбивое выражение лица. — Я купил тебе биле- ты в кино подряд на неделю, я скормил тебе столько моро- женого, что всякий нормальный человек давно бы превратился в ледяную гору, а ты? Ты обещал мне рассказать все. Но я уз- нал так мало!

— Я, правда, ничего больше не знаю. Если хотите, я расска- жу вам еще раз все. Отец сердился, что я даю товарищам чи- тать романы из нашего магазина, — сказал Карл-Мария Земиколон-младший.

— Не из вашего магазина, а из магазина фирмы «Цербер», — поправил Хохдрук.

— Точка в точку, это самое сказал мне отец. Он еще доба- вил: «Плох тот лесоруб, который пилит ветку, на которой си- дит». А когда я сказал ему, что лесорубы не сидят на ветках, он влепил мне затрещину.

— Разумный поступок, — сказал Хохдрук. — Ты можешь не отвлекаться?

— Могу. Значит, так: отец сердился на то, что я даю моим товарищам книги из магазина фирмы «Цербер». Я перестал

давать их ребятам, тогда они перестали меня слушаться. Тогда я решил и над отцом подшутить и ребятам найти занятие, чтобы меня слушались. Мы подсунули отцу письмо, подписанное «Отчаянные ребята». Он очень переполошился. Заварила каша. Но дальше... Дальше все бы кончилось, потому что, кроме письма, мы ничем не могли его напугать. Но тут... Дальше я вам рассказывать не буду. Я поклялся товарищам.

Хохдрук встал и объявил торжественно:

— Я освобождаю тебя от данной клятвы.

— Вы священник?

— Нет. Я освобождаю тебя, как старший по возрасту и как начальник твоего отца.

— Боюсь, что это недействительно.

— Чего же ты хочешь? — сказал Хохдрук. — Денег на расходы?

— Бесплезно! — ответил Карл-Мария. — Мне не улыбается объяснять отцу, как они ко мне попали.

— Бесплатно все книжки нашего издательства, которые будут выходить впредь?

— Не деловой подход, — ответил юный собеседник Хохдрука. — Все равно что пытаться подкупить пирожными сына кондитера... Пожалуй, я вообще не буду вам ничего рассказывать. Сыщика из вас явно не получится...

— Тогда, болван ты эдакий, я сам поговорю с твоим отцом, — сказал Хохдрук.

— С этого давно следовало начать, — ответил многообещающий мальчишка. — Сэкономили бы.

ГЛАВА XVI,

**в которой издательство «Цербер» стоит на грани краха,
а г-н Дорн принимает решение**

От мальчишки-рассыльного, который бегал с рукописями по коридору, до личного секретаря г-на Дорна любой сотрудник издательства «Цербер» мог бы поклясться, что сегодня происходит нечто необыкновенное. С утра были отменены все совещания.

-- Никого не пускать, ни о ком не докладывать, — буркнул Дорн секретарю, пропуская в свой кабинет розовощекого старичка в мундире почтового ведомства. Директор закрылся с ним, выключив телефоны, и уже много часов не выходит из кабинета. Хотя ни один звук не может проникнуть через дубовую дверь, по издательству ползут слухи. Люди, изошрившие свой ум в сочинении детективных историй, строят предположения одно невероятнее другого.

Уверяют, что у г-на Дорна находится представитель конкурирующей фирмы «Харниш», прибывший для того, чтобы перекупить дело на ходу со всеми романами, запущенными в производство, смехотеками и картотеками, с сотрудниками, магазинами и читателями. Эта сравнительно оптимистическая версия сменяется другой, панической: дело действительно будет пере-

куплено вместе с романами, но без сотрудников. Представитель «Харниша» считает, что обойдется и своими силами.

И вот уже по коридорам бегают бледные люди. Налаженный конвейер «Цербера» остановился. Кто-то клянется: дело не в «Харнише», дело совсем в другом. Но... Всезнайка делает таинственные глаза, снижает голос до шепота и произносит только одну фразу! «Высокие круги...» Он не говорит ничего больше, но в издательстве сразу устанавливается торжественно-тревожная обстановка.

Спокойны только господа из отдела «ЯОТ». Более того, они даже выглядят так, будто предстоящие перемены, если они действительно произойдут, обещают нечто приятное. Такое настроение у них установилось после того, как утром им нанес краткий визит их бывший коллега полковник в отставке Дрилленхенгст.

В этот день не только в кабинете Дорна, но и в комнате с надписью «ЯОТ» совершается нечто необычное. Впрочем, если бы бывший провизор сказал об этом коллегам, ему бы не поверили. Его в издательстве не принимали всерьез с тех пор, как он заявил, что хотя много лет посвятил изучению ядов, не видит разницы между опиумом и книжонками «Цербера» и не понимает, почему одно дозволено, а другое запрещено.

Старика провизора выслали из комнаты, сказав, что он может заниматься своими ядами и в другом месте, а перед сотрудниками отдела «ЯОТ», которые стоят навтыяжку, расхаживает Штильгештанден и витийствует:

— Теперь, когда эти штатские, эти шпаки, эти штафирки каждый день выплачивают премии за истории, сочиненные их редакторами, мы покажем, кому должно принадлежать решающее слово в издательстве и какие книги оно должно выпускать. Теперь, когда наш бывший шеф, трудившийся среди нас в отставке и безвестности, снова призван к делам великой важности, мы должны выполнить его приказ и подготовить новые времена в этом доме.

Итак, в комнате «ЯОТ» происходит совещание, а в кабинете директора г-н Дорн ведет трудный разговор. Разговор особенно труден, потому что собеседник прибег к невинной хитрости и притворился тугоухим. В течение долгих пятнадцати минут г-н Дорн говорил ему о солидности фирмы «Цербер», о ее репутации, о ее хитроумных сюжетах, которые никогда до сих пор не поддавались разгадке, и о естественном желании его, господина Дорна, познакомиться с человеком, который, как стало ему известно из разговора с уважаемым — г-н Дорн даже заставлял себя произнести это слово, — с уважаемым астрологом г-ном Пулле, является источником отгадок, столь встревоживших фирму. Он рад, что видит перед собой человека, не только обладающего феноменальными способностями, но солидного и, безусловно, добропорядочного, который не захочет осложнить переговоры, которые, он надеется, увенчаются успехом к их обоюдному удовольствию...

Вслушав эту длинную речь, собеседник г-на Дорна произносит одну фразу:

— Повторите, пожалуйста, все сначала. Я плохо слышу.

И г-н Дорн, перед которым трепещут сотрудники «Цербера»,

за исключением господ из отдела «ЯОТ», покорно повторяет второй раз свою речь о фирме «Цербер», о ее сюжетах, об уважаемом астрологе и еще более уважаемом собеседнике г-не Аугенвайсе, потому что его собеседник — отставной почтмейстер Аугенвайс.

Но как же он очутился здесь?

Вернемся назад в квартиру астролога Пулле.

ГЛАВА XVII,

в которой читатель возвращается в приемную астролога Пулле и приближается к разгадке тайны

...Итак, в комнате астролога Пулле открылась дверь. Впрочем, этому предшествовал стук. Но появление постучавшегося следовало столь стремительно за стуком, что стук был пустой формальностью. В дверях астрологического кабинета возник розовощекий старик в мундире почтового ведомства.

— Свою тысячу марок я получил, — сказал астролог, представляя Аугенвайса. — Обо всем остальном спрашивайте его. Сюжеты отгадывает он. И черт меня возьми, если я знаю, как он это делает!

Не так уж жаль было Дорну тысячи марок, как было обидно, что он торговался не с тем. Вот почему несколько дней спустя Аугенвайс оказался в директорском кабинете Дорна.

— Я пригласил вас, чтобы узнать, соответствует ли действительности утверждение, — прокричал Дорн, — будто вы разгадываете сюжеты!

— Соответствует! — громко прокричал в ответ Аугенвайс.

— Как это вам удается? — прокричал Дорн.

— У меня есть система! — завопил Аугенвайс.

— Какая? — крикнул Дорн и, оглянувшись на двери, добавил: — Только, пожалуйста, потише. Я слышу хорошо.

— Логической, — ответил Аугенвайс, — основанная на теории вероятностей, на некоторых формулах...

— Перестаньте говорить («чепуху» — хотел ответить Дорн, но на лету исправил фразу)... столь невероятные вещи. Системы не может быть ни в рулетке, ни в игре на бегах, ни в отгадывании сюжетов фирмы «Цербер».

— Тем не менее она есть, — кротко сказал Аугенвайс. — Не угодно ли убедиться? — Он предъявил почтовые квитанции на заказные письма, посланные из разных городов. — Можете проверить, — сказал он, — это квитанции именно на те письма, которые содержали отгадки. Их послали мои друзья, которым я высказал свое предположение, заметьте, всего лишь предположение, как развернется ход сюжета. Впрочем, еще лучше будет, если вы назовете мне две-три текущие серии, и я предскажу вам дальнейшее развитие действия.

Вот почему замерло все издательство. Г-н Дорн в кабинете за закрытой дверью пересказывает сюжеты, а г-н Аугенвайс сообщает их продолжение.

— Роман «Рука на экране», — говорит Дорн, заглядывая

в шпаргалку, потому что он не может помнить сюжеты всех публикуемых романов наизусть. — «И тогда детектив Смит убеждается, что все улики указывают на любимца публики молодого киноактера Гарри Джонса...»

— Достаточно, — перебивает его Аугенвайс. — На первой странице романа, между прочим, говорилось о том, что в фильме будут опасные трюковые кадры и знаменитых актеров на съемках будут подменять дубли. Там шло длинное описание комнат, в которых толпятся молодые люди, подменяющие знаменитостей в опасные моменты, а в придаточном предложении упоминался бывший акробат, которому предстоит совершить в фильме головокружительный прыжок. Так вот, он-то, пользуясь своим сходством с известным киноактером, а также своей акробатической смелостью, и совершил преступление. Промежуточные звенья я опускаю. Ну как?

Дорн нажал кнопку.

— Принесите мне содовой воды, — сказал он секретарю и охрипшим голосом продолжал: — «Роза и решетка». Девушка, отданная на воспитание в пансион католического монастыря...

— Достаточно, — перебил его Аугенвайс. — Она не девушка. Она переодетый юноша, проникший в пансион монастыря, ибо в его стенах находится...

Дорн нажал кнопку снова.

— И виски, — добавил он слабым голосом.

ГЛАВА XVIII,

в которой младший корректор Абердох, пока Дорн ведет переговоры с Аугенвайсом, читает лекцию о психологии памяти случайному слушателю

— Существует превратное убеждение, — сказал Абердох, — что память может от перенапряжения ослабнуть. Уверяю вас, это не так. Напротив, память можно тренировать, как тренируют мускулы. Сегодня вы вспоминаете полстраницы, завтра — страницу, через неделю — главу...

— Понимаю, — сказал его случайный собеседник, с которым они вместе попивали пиво. (С некоторых пор доктор наук пристрастился к этому занятию.) — Это как человек, который в юности начал поднимать маленького теленка, поднимал его каждый день и так поднатерел, что потом действительно таскал на руках взрослого быка. Помнится, что-то такое я читал в книжке.

— Вот именно, быка! — сказал Абердох. — Когда-то я запоминал страницы, потом главы, теперь я запоминаю почти наизусть целые книги. Ах, друг мой, — сказал он, — трудность состоит не в том, чтобы вспомнить, а в том, чтобы забыть. Почему я сижу с вами? Я не хочу сказать ничего плохого о вас, но почему я сижу с вами и пью пиво, которого я терпеть не могу, и почему потом я, наверно, даже выпью водки? Только для того, чтобы постараться забыть то, что переполняет мою голову. Кражи, убийства, похищения! Страшные преступления, совершенные среди темной ночи и белого дня.

— Нелегко жить с такой отягощенной совестью, — сказал собеседник, отодвинувшись от Абердоха.

— При чем здесь совесть? А, понимаю! Вы решили, что меня угнетают совершенные мною преступления? Нет. Преступления совершены другими.

— И вы посвящены в них?

— По долгу профессии, — ответил Абердох. — Только по долгу профессии.

— Ну, мне пора, — сказал собеседник и, стремительно направляясь к двери, добавил: — Было очень приятно познакомиться.

ГЛАВА XIX,

в которой наступил вечер, переговоры Дорна с Аугенвайсом все еще продолжались, а г-н Хохдрук шел по следам преступления

Звякнули ключи, щелкнул замок, заскрипела, открываясь, тяжелая дверь, и г-н Хохдрук очутился в крошечной тьме. Сердце его сильно билось, может быть, первый раз в жизни.

«Не будь я Хохдруком, если не доведу этого до конца, — повторял он мысленно. — Я иду по верному следу. Если все обстоит так, как утверждает Земиколон, то в папке переписки должно найтись письмо с разгадкой. Значит, нужно только извлечь это письмо. Извлечь и сличить!.. Сличить и вернуть!.. До чего же здесь темно!..»

Хохдрук стал нащупывать в темноте выключатель, но тут же спохватился: свет в окна может привлечь внимание прохожих, пойдут разговоры, а этого надо избежать.

«Обойдусь карманным фонариком», — подумал он.

Он нажал на кнопку карманного фонарика. Луч света выхватил из темноты оскаленный череп и перекрещивающиеся кости, Хохдрук попятился. Но оскал черепа был мучительно знаком. Хохдрук вспомнил, что так выглядит рекламный плакат к роману «Гибель в пустыне», выпущенный его отделом. Успокоенный, он перевел луч фонарика правее и вздрогнул снова. Его глазам открылось зрелище еще более ужасное. Волосатые окровавленные руки сдавливали горло кричащего человека. Хохдруку были знакомы и эти руки и подпись под ними: «Приятно провести свободный вечерок с новой книгой «Цербера», содержащей рассказ о самом зловещем убийстве столетия». Но это почему-то не успокаивало.

«Лучше не глядеть по сторонам, — подумал Хохдрук, задрожав при мысли о том, как выглядят в темном помещении другие рекламные плакаты фирмы «Цербер». Чтобы подбодрить себя, он еще раз с торжеством подумал: «Все-таки я уличил этого господина! Если бы он мог предъявить для сличения письмо, он не сопротивлялся бы моему посещению магазина. Но я тут! Вместе с предписанием расследовать дело фирма выдала мне контрольные ключи к магазину. Я открыл конторку, в которой хранится корреспонденция, и проверю, лежит ли там письмо. Очень просто... И ничего страшного. Вот полки с книгами... Вот запертый сейф с вырубкой...»

Холодно. Темно. Пусто.

Успокоив себе дорогу фонариком, ступая на цыпочках и нащупывая дорогу вытянутой рукой, г-н Хохдрук приблизился к конторке, открыл ее и вынул толстую папку, в которую подшиваются письма. Как во всех магазинах фирмы «Цербер», папка эта лежит справа. Сейчас все, решительно все разъяснится!

Но тут дверь магазина, запертая им изнутри, медленно-медленно приоткрывается.

Господи! Дверь-то он запер, но ключ не оставил в замке, и теперь кто-то открывает ее снаружи. В приоткрытую дверь просовывается рука. В белом дрожащем круге света, который Хохдрук нервно направил на дверь, рука в черной перчатке выглядит зловеще. Черная рука протягивается к выключателю, чтобы зажечь свет. Нервы Хохдрука не выдерживают. Он хватается за дверь и с криком: «Кто там?!» — тянет ее к себе. Незнакомый отдергивает руку и тянет дверь к себе, стараясь захлопнуть. Они сопят, стараясь пересилить друг друга.

Незнакомец неожиданно отпускает дверь, Хохдрук падает на пол. Тогда тот, кто стоял за дверью, с криком: «Попался! — врывается в магазин. — Я тебе покажу, как называться «Отчаянным!»» Два человека в полной темноте борются и даже боксируют.

— Не уйдешь! — кричит тот, кто был за дверью, и Хохдруку кажется этот голос знакомым.

— И ты не уйдешь! — отвечает Хохдрук.

Но никто из них не может сказать, кто поймал и кто пойман, кто кого держит. Оба оказались на полу; не видя друг

друга, они старались хоть немного отдышаться. И вдруг незнакомец говорит:

— Не вы ли это, господин Хохдрук?..

— Значит, это вы, господин Земиколон? — отвечает ему Хохдрук.

— Что вы здесь делаете? — говорит Земиколон.

— А вы что здесь делаете? — отвечает Хохдрук.

Земиколон зажигает свет. Перед глазами противников возникает разгром, учиненный ими. Сражаясь в темноте, они сбросили с полок книги, оборвали рекламные плакаты.

— Хорошеньких дел вы понаделали! — кричит Земиколон. — Ищейка вы этакая! Что вы здесь вынюхиваете?

— Письмо, на которое вы ссылаетесь, — говорит Хохдрук. — Письмо, которое вы не желаете мне предъявить.

— Вот оно, — отвечает Земиколон и раскрывает папку корреспонденции, упавшую на пол.

Но письма нет. Письмо с разгадкой серии, ввергшее Земиколону в искушение, исчезло, как исчезало за некоторое время до того письмо с угрозой, подписанное «Отчаянные ребята». А ведь письмо с разгадкой было кем-то аккуратно вложено на то самое место, откуда исчезло письмо с угрозой. Земиколон еще раз излагает Хохдруку весь несложный ход событий, в который было бы легко поверить, если бы он подтверждался вещественными доказательствами.

— Фирма в моем лице, — сурово говорит Хохдрук, поправляя галстук, — не может полагаться на заверения. Ранее фирма в моем лице полагала, что ваши заверения смазывают на бред, теперь фирма убедилась, что они больше похожи на ложь... Мы встретимся завтра, — говорит Хохдрук и с достоинством идет к двери.

Г-н Земиколон выключает свет: для того чтобы выбраться из магазина, достаточно уличного света, который падает в помещение через полуоткрытую дверь. Г-н Хохдрук ускоряет шаги, чтобы поскорее выйти из комнаты, украшенной изображениями черепов и окровавленных лиц.

Порыв сквозняка захлопывает дверь перед его носом.

— Дурацкие шутки! — кричит он Земиколону. — Зажгите свет!

— Я не вижу, где выключатель. Зажгите ваш фонарик! Ищейка! — отвечает ему Земиколон, которому больше нечего терять.

Хохдрук делает шаг вперед, натывается на что-то, и вдруг металлический голос произносит:

— Руки вверх!

Это сработал автомат — гордость фирмы «Цербер». Но Хохдрук уже не соображает. Зрелище рекламных плакатов, драка в темноте, захлопнувшаяся дверь и этот металлический голос переполнили чашу его мужества. С визгом: «Пустите меня, пустите!» — он пытается нащупать в темноте дверь и сбивает с ног Земиколону. Рекламный автомат, успев еще выкрикнуть: «Стреляю!», тоже валится на пол, вспыхивают огоньки замкнувшейся электрической проводки.

...Утром продавец, явившийся к открытию магазина, видит, что дверь заперта изнутри. Звонок не работает. Продавец ждет Земиколону, не решаясь без него ни на какие поступки. Проходит полчаса, проходит час, Земиколону нет. Из магазина доносится шум. Продавец звонит Земиколону домой. Встревоженная жена отвечает, что муж вчера не вернулся домой.

Через час полиция взламывает дверь в магазин и застаёт удивительную картину. Респектабельный почти молодой человек в спортивном костюме с развязанным галстуком и синяком под глазом сидит на полу. С довольным видом он хлопает ладонями по полу и напевает песню:

Тот, кто хочет быть счастливым,
Покупает детективы.
Лучше нету развлечения,
Чем разгадка преступления...

А вокруг него скачет пожилой человек. Его костюм и лицо также несут следы драки. Но он не опечален этим, а весело заканчивает каждую строфу рекламной песенки фирмы «Цербер» припевом:

Детектив — вот отдых лучший
Утром, днем, на сон грядущий, —

а потом сбивается на детскую песенку:

Мы козу гулять водили,
Поросенка стригли мы.

Железные нервы заведующего магазином фирмы «Цербер» не выдержали потрясения. Такая же участь постигла заведующего отделом рекламы.

ГЛАВА XX,

в которой Аугенвайс является как вестник победы

— Победа, мой дорогой, победа! — закричал отставной почтмейстер Аугенвайс, вбегая по крутой лестнице так, как не вбегал по ней даже в молодости, когда был скромным разносчиком телеграмм. В этом доме под самой крышей жил корректор издательства «Цербер», доктор наук, обладатель могучей памяти и неудачливый сочинитель детективных романов — племянник Аугенвайса, герой нашего повествования г-н Абердох.

— Какая победа?.. — сонно ответил тот, открывая глаза и смутно вспоминая о вчерашнем вечере, о пиве, которое он пил, и о водке, которой запивал пиво, чтобы вытеснить из своей головы толпившиеся в ней сюжеты детективных романов.

— Я обещал тебе, что ты вернешься, как говорили древние, на щите... нет, под щитом... нет, со щитом! Впрочем, ты знаешь это лучше меня. И ты можешь вернуться. Директор Дорн обещал немедленно восстановить тебя в прежней должности.

— Я ничего не понимаю, — сказал Абердох.

— Длинная и сложная история. Ты помнишь, что я обещал научить тебя сочинять эти романы?

— Да, — сказал Абердох, — как же... С тех пор я вам терпеливо пересказываю сюжеты всей той белиберды, которая проходит через корректуру. Вы чертите какие-то таблицы, рисуете какие-то схемы и говорите, что разрабатываете систему, которая даст возможность и мне самому сочинять такие сюжеты. Клянусь вам, дядюшка, я делаю это только из уважения к вам. К этому безумию неприложима никакая система. Мне ничто не поможет!

— Уже помогло! Я не собирался и не собираюсь тебя обучать писать эти книги. Моя идея куда проще. Слушай меня внимательно! Вот три десятка разгадок. Я предъявил их к оплате и получил через своих друзей призы. Можешь жениться на твоей Лизьхен. Фирма «Цербер» обеспечила вас порядочным приданым, а директор Дорн обязался восстановить тебя в должности редактора.

— Но это же преступление, дядя! — завопил перепуганный

Абердох. — Это преступление, и оно называется: использование в корыстных целях служебной тайны!

— Позволь, позволь, — сказал Аугенвайс. — Может быть, ты что-нибудь списывал с книг, которые проходили у тебя через корректуру? Нет! Может быть, ты выносил эти, как у вас называется, гранки? Тоже нет. Может быть, ты специально заучивал книги, чтобы пересказать их мне? Ты не делал и этого. Ты их просто запоминал. Потому что у тебя потрясающая память. Та самая потрясающая память, о которой директор Дорн когда-то сказал, что она ни на что не нужна. И, главное, ты не знал, для чего пересказываешь мне ваши детективы. Ты действовал, как говорят юристы, *bona fide*. Вот видишь, я даже проконсультировался со специалистом.

— Боюсь, что этого нельзя будет доказать на суде, — сказал племянник.

— На суде доказывать ничего не придется. Мы с господином Дорном обменялись встречными расписками. Я письменно обязался больше не применять своей системы, а он обязался не позже чем через неделю восстановить тебя в редакторской должности. Так-то, дорогой племянничек... Старый дядя на что-нибудь полезен и может теперь вернуться к своим делам: в кофейнике еще остались конструктивные недоделки.

ГЛАВА XXI, очень короткая

И снова в комнате Дорна совещались.

Громче всех звучал на этом совещании голос Штильгештандена:

— Мы давно предупреждали!.. Все, что происходит в издательстве, происки красных! Их нужно найти и выгнать, а издательству... О, у нашего бывшего шефа господина полковника Дрилленхенгста есть большие планы, которые поставят «Цербер» на новый путь. И соответствующие круги не пожалеют на это средств.

— Вы правы, коллега, вы правы, — с покорностью, которой от него никто не ожидал, произнес Дорн. — Мы обязательно подумаем над тем предложением, которое исходит от нашего, смею сказать, бывшего сотрудника, облеченного теперь таким постом и таким доверием...

ГЛАВА XXII, последняя в повести, но открывающая новую страницу в жизни д-ра Абердоха

— Фирма «Цербер» всегда выполняла свои обязательства. Можете хоть сегодня приступить к работе редактора, — сказал Дорн Абердоху, вызвав его в установленный срок ровно через неделю.

— Благодарю вас, господин директор, — ответил Абердох.
Дорн посмотрел на Абердоха так, будто видит его первый раз.

— Ловко вы это проделали! Все возможности мы перебрали, а до этого не додумались. Ненормальная память — вот ваш ход, вот разгадка. А я-то думал, что вы ни на что не способны. Но вы оказались настоящим пройдохой.

Абердох беспомощно пробормотал:

— Но, господин директор, я не знал... Я и не догадывался...

— Не смущайтесь. Это не моральная, а деловая оценка. Быть настоящим пройдохой, квалифицированным пройдохой очень хорошо! Такие люди нам нужны! Иным способом вы возместите убытки, которые из-за вас понесла фирма «Цербер». И ваша ненормальная память сыграет тут свою роль.

— Благодарю вас, господин директор, — сказал Абердох. — Значит, я могу вернуться в отдел сюжетов?

— Отдела сюжетов, каким он был, у нас не будет. Издательство перестраивается на новую продукцию. Хитроумные детективы слишком ненадежный товар. Слишком гонкий. Масса затрат, масса сложностей, а потом вдруг меняются вкус и мода. Наш новый товар мы будем производить без риска. Никаких убытков! Нам еще будут доплачивать за него.

Открылась дверь, и в кабинет Дорна вошел бывший заместитель Дрилленхенгста, а теперь сам начальник отдела «ЯОТ», отставной майор Штильгештанден. Абердоху показалось, что за несколько дней, которые они не встречались в коридорах издательства, Штильгештанден стал выше ростом. И Дорн встал навстречу Штильгештандену и первым приветствовал его почтительно.

— Здравствуйтесь, мой дорогой, здравствуйтесь. У вас утомленный вид. Можно ли так перегружать себя? Позвольте представить вам нашего талантливого сотрудника, доктора философии...

Штильгештанден оглядел Абердоха с головы до ног, словно впервые видит его.

— Философия? — пренебрежительно протянул он. — Здесь ему философствовать не придется!

— Ну, конечно, конечно, — заторопился Дорн, — я как раз излагаю нашему сотруднику новую программу «Цербера». А вот издательство «Цербер» гордится, что человек, в трудное для себя время занимавший скромный пост в нашем издательстве, играет теперь такую важную роль в нашей армии и что, несмотря на свой новый высокий пост, не оставляет своим вниманием издательство, которое... словом, романы о военных походах на восток, воспоминания о столь недавних битвах, прославление нашего лучшего в мире солдата — вот новый курс фирмы «Цербер». Соответствующие круги поддерживают этот курс! О сбыте нашей новой продукции позаботятся те, кто подсказал нам реформу и даже погасил убытки последнего времени, в том числе и сумму, которую ваш дядюшка... Но мы не злопамятны. Вы, господин доктор, будете очень нужны фирме «Цербер» в ее новом качестве. Мы будем переиздавать все, что может быть нам полезно в этом духе. И вы — с вашей па-

матью — будете нам это разыскивать. Ну и, вы сами понимаете, навыки нашей фирмы в придумывании сюжетов и подгонке деталей тоже... пригодятся в обработке некоторых документальных и мемуарных произведений. Нельзя же печатать все, как было. Вы храните все наши трюки в своей изумительной памяти и можете быть тут полезны. Я даже согласен забыть все старые недоразумения. Вам понятно?

Штильгештанден добавил:

— Вы будете отыскивать все книги, в которых когда-нибудь звучал клич: «На восток! На восток!» Понятно, философ?

— Более чем понятно, — ответил Абердох.

— Вот и отлично, — сказал господин Дорн.

Голос его звучал примирительно. Видно, он, не хотел напоминаний о встречных расписках, которыми обменялся с почтмейстером Аугенвайсом, — человека с такой памятью лучше иметь в своем деле.

— Я не могу принять ваше предложение, — сказал Абердох.

— Если вы его не примете, я не возьму вас даже младшим корректором. Мы меняем курс.

— Даже младшим корректором я не стану помогать тому, что здесь будет твориться, — неожиданно твердым голосом ответил Абердох и вышел, хлопнув дверью.

В вестибюле издательства его окликнули.

— Это вы, Герберт?.. — услышал он голос, который недавно казался ему самым дорогим на свете.

— Фрейлейн Трумпф? Что вы здесь делаете? — спросил он в изумлении.

— Пришла похлопотать за... Герберт, вы не сердитесь на меня?

— Нет, что вы... Я уже все забыл... За кого же вы пришли хлопотать?

— За жениха. Он заболел во время своей последней командировки, а когда оправился от потрясений, узнал, что им недовольны и его переводят на должность корректора.

— Ничего не понимаю. Я не болел! Я не ваш жених! И обо мне не нужно хлопотать.

— Ах, Герберт, — сказала фрейлейн Трумпф, — речь не о вас. Я говорю о господине Хохдруке. Не знаю, чем он прогневал вашего патрона, но ему объявлено, что с сегодняшнего дня его переводят на должность корректора. Я пришла похлопотать за него. Вы думаете, это будет иметь успех?

— Безусловно, — ответил Абердох. — Для господина Хохдрука здесь теперь открывается широкое поприще.

В вестибюле грузчики распаковывали ящики и доставали из них сверкающую лаком и пахнущую кожей мебель.

— Что это? — спросил Абердох у швейцара.

— Обстановка кабинета для шеф-редактора господина Штильгештандена, — торжественно ответил он и вытянулся в струнку.

На улице Абердох еще раз оглянулся на дом, в котором помещалось издательство «Цербер».

«Бог мой! — подумал он. — А ведь, пожалуй, то, что здесь со мной случилось, — это сюжет!»
